

Дикие горизонты Алтайских гор.

День первый

Мы отправились в этот поход в начале сентября. Алтай уже дышал осенью: земля стала холодной, карликовая березка пожелтела, кое-где в долинах вместо дождей уже выпадал снег. В Усть-Коксу мы приехали рано утром. Нам предстояло пройти незнакомый нам раньше маршрут, и мы не хотели терять время даром, поэтому не стали ночевать как обычно на турбазе, а вместо этого решили пройти в первый день хоть какое-то расстояние. Нас было трое: инструктор по горному туризму Саня Кужелев, его друг Витёк по кличке Бостон, и человек, который всё это задумал, а именно ваш покорный слуга Денис Давыденко.

В Тюнгур мы приехали в пять вечера уже с уложенными рюкзаками, и, сфотографировав друг друга для истории, отправились в дорогу. Тюнгур и Кучерла — две маленькие алтайские деревушки, последние населенные пункты на пути туриста, отправляющегося в поход к высочайшей горе Сибири — Белухе, к знаменитому Кучерлинскому озеру или, как наша тройка, к озеру Дарашколь — озеру, затерянному в горах, славящемуся своей первозданной красотой и тем, что дикие животные на его берегах совсем не боятся людей и могут подойти к человеческому лагерю очень близко.

Мы рассчитывали прийти к Дарашколю нестандартным путём: вместо того, чтобы как все подниматься долинами Кучерлы и Иолдо-Айры и впервые увидеть Дарашколь, придя к нему по тропе с востока, мы решили пройти высокогорными долинами Большого Кулагаша и Тегеека, перейти перевалы Стрела и Красного Камня, и спуститься на озеро с запада, с гор.

Погода была подходящей для начала похода: небо было пасмурным, воздух — прохладным, но дождя не было. Идти в такую погоду одно удовольствие: все твоё тело дышит свежим горным воздухом, но тебе не дают мёрзнуть рюкзак за плечами и тропа под ногами, постоянно поднимающаяся вверх, то делающая крутой скачок, то становящаяся положе.

Мы уже подходили к деревянному мосту через реку Кучерлу, когда поняли, что из Тюнгурса за нами увязалась собака. Поджарая, белая, с виляющим озорным хвостом, она то бежала

Мост через Кучерлу

следом, то обгоняла нас, и всячески демонстрировала нам своё дружелюбие. Обычно местные собаки добегают до деревни Кучерла и остаются там общаться со своими сородичами — сторожевыми псами алтайцев, но эта, по-видимому, держалась особняком, и сторожевые псы облаяли ее так же, как и нас, проходящих со своими рюкзаками по одной из трех кучерлинских улиц и нарушивших их покой. Витёк был рад обществу белой собаки, а вот я с пессимизмом смотрел на ее желание идти с нами:

я знал, что нам предстоит преодолеть два непростых перевала, несколько бродов, и Бог знает что еще, и четвероногий товарищ никак не вписывался в мои планы по прохождению маршрута. Более того, собака могла вообще сорвать наш поход: в какой-то момент мы могли

понять, что не можем пройти с ней то или иное препятствие, и перед нами встал бы выбор: идти вперед и бросить собаку в горах на произвол судьбы, либо возвращаться из-за нее назад. Возвращаться назад из-за того, что какая-то собака увидела нас и вздумала привязаться! После того, как я целый год готовился к походу, изучал карты, собирал по крупицам информацию о перевалах и тропах, просчитывал запасные варианты, после того как я по граммам рассчитывал провизию, после того, как мы, не зная точно всего, что нас ждёт, решали, какое снаряжение необходимо взять, а какое оставить, потому что мы просто не сможем унести все на себе! Вернуться назад после того, как несколько зимних месяцев я видел Стрелу во сне! Собака ставила план под угрозу. Мне казалось, что при подготовке я предусмотрел всё, но обстоятельство, о котором я не подумал, не преминуло проявиться в первый же день в виде белой собаки с улыбающейся мордой и высунутым языком. Я знал, что если что-то нам помешает пройти с ней, мы не сможем бросить ее, я шел, смотрел на нее и пытался гнать от себя эти мысли, но они не уходили. Я решил прогнать ее, пока мы еще не ушли слишком далеко и она могла самостоятельно вернуться в деревню.

- Пошла вон! Пошла вон, кому я сказал! - Я взял палку в правую руку палку, чтобы выглядеть убедительнее. - А ну-ка проваливай!

Собака остановилась на секунду, посмотрела на меня с непониманием, и тут же побежала вперед, ближе к моим товарищам.

- Кому я сказал! Иди домой! Ты нам не нужна! - Когда собака в очередной раз оказалась сзади, я снова закричал на нее и замахнулся на нее палкой. Она как будто расстроилась: остановилась у края дороги и провожала нас грустным взглядом. Мне стало стыдно за то, что я так грубо обхожусь с этим бедным животным, но я успокаивал себя тем, что делаю это для ее же блага. Я думал, что лучше ей вернуться сейчас же домой на турбазу в Тюнгур, и, может быть, привязаться потом к какой-нибудь группе, которая пойдет на простой маршрут, не предполагающий бродов и спусков по веревке.

Собака посидела так минуту, а потом снова побежала за нами. Она держалась поодаль, как бы говоря, что она сама по себе, что она просто выбежала погулять, но в то же время она следила за нами и не отставала.

Я понял, что у меня не получится прогнать ее. Оставалась надежда встретить какую-нибудь группу туристов, возвращающихся в Тюнгур, и попросить их довести собаку до дома, но и эта надежда к вечеру улетучилась.

Надо сказать, что мои товарищи не разделяли моего пессимизма относительно участия Белки (так мы ее окрестили, когда поняли, что она все же идет с нами) в нашей аванюре. Витёк, казалось, был просто счастлив ее компании, а Саня после провала моих попыток прогнать ее то и дело подзывал ее к себе, как будто она могла потеряться. Белка была счастлива: она носилась вокруг нас, виляла хвостом и падала перед нами спиной на землю, всячески показывая свое расположение.

Саша и Белка на привале

Ближе к вечеру пошел дождь. Я думал о том, что нас ждёт в ближайшие дни и вспомнил рассказ, слышанный мной еще в городе: группа туристов хотела пройти по маршруту, подобному нашему, но их преследовала непогода. Просидев несколько дней под дождем в Большом Кулагаше, они решились штурмовать перевал Тренировочный, ведущий в долину Тегеек. Утром, когда они выходили на перевал, погода была солнечной, но позже испортилась. В то время как в долинах лил дождь, в горах шел снег, и они прошли Тренировочный под снегом с почти нулевой видимостью.

Те из читателей, кто попадал в непогоду в горах, поймут, каких лишений могло это стоить: перевал Тренировочный имеет категорию сложности 1Б, для того, чтобы попасть на его седловину со стороны Большого Кулагаша нужно сперва преодолеть ледник, который часто бывает закрыт снегом, а после — взлёт по сильно разрушенным скалам. Спускаться в Тегеек с седловины предстоит по крутому осыпному кулуару. Даже в хорошую погоду на таких склонах есть определенная опасность: всегда может вылететь камень из-под ноги одного из идущих, или можно попасть на участок настолько крутой «сыпухи», что безопасно перемещаться по ней будет практически невозможно. В непогоду эти условия усугубляются обледенением скал и камней, вероятностью дезориентации в пространстве и задержки на маршруте, что как следствие может привести к обморожениям или даже несчастным случаям. К счастью, та группа туристов обладала большим опытом, они преодолели перевал успешно, спустились в Тегеек живыми-здоровыми, но несколько дней под дождем и прохождение Тренировочного в жутких погодных условиях сделали свое дело: из-за отсутствия времени в запасе и физического и морального истощения они решили отказаться от дальнейшего штурма еще более сложного перевала - Стрелы, и вместо этого спустились к Кучерле, миновав водопад Тегеек — один из очень красивых и полноводных водопадов Алтая.

Учитывая опыт этой группы, при разработке нашего маршрута я решил отказаться от перевала Тренировочный в пользу более простого и безопасного перевала Красного Камня: он хоть и вынуждал нас сделать «крюк» километров в пять, но, имея более низкую категорию сложности 1А и высоту на 250 метров меньшую, чем у Тренировочного, позволял практически гарантированно попасть за день из Большого Кулагаша в Тегеек, сохранив при этом силы на главный рывок - штурм Стрелы.

Уже смеркалось, когда мы с нашей новой знакомой — Белкой, пришли на стоянку в урочище Елань. Стоянка представляет собой небольшую полянку на берегу красивейшей горной реки — Кучерлы. Места под палатки уютно расположились здесь между деревьями, а Кучерла своим мерным шумом способствовала хорошему сну. Тот день был очень долгим: еще утром мы тряслись в автобусе, а вечером уже готовили еду на костре вдали от цивилизации. Поужинав гречневой кашей с тушенкой, мы легли спать в палатку, оставив Белку на улице охранять наш лагерь.

День второй

Будильник прозвенел в шесть. Было еще темно. Я вылез из палатки и увидел, что Белка спит, свернувшись клубочком. В этот день нам предстояло уйти в сторону от популярной тропы, идущей вдоль реки Кучерла в места, нечасто посещаемые туристами, однако хорошо знакомые местным жителям, промышляющим охотой и сбором кедровых шишек. Я рассчитывал добраться как минимум до места слияния двух рек — большого и малого Кулагашей, максимум — подняться вдоль русла Большого Кулагаша на то расстояние, на которое сможем. Судя по карте, только до слияния нам предстояло пройти 11 километров, набрав при этом 800 метров высоты по лесной тропе.

Мы приготовили геркулесовую кашу с изюмом и съели ее с хлебцами. Вообще, наш рацион в походе ограничивался скромным набором продуктов, т.к. раскладка была рассчитана на 10 походных дней и всё приходилось нести на себе. У нас в меню было несколько видов молочных каш, несколько видов каш с тушеной говядиной, макароны, копченая и сырокопченая колбаса, соленое сало, сыр (твердый, плавленый, и на особый случай — мой любимый сыр-косичка), шесть пачек «быстрорастворимой» лапши, орехи, сухофрукты, немного консерв: паштет, шпроты, зеленый горошек, кукуруза и фасоль, черный хлеб, хлебцы, сухари. На сладкое на весь поход была одна небольшая мягкая упаковка сгущенного молока, такая же упаковка лимонного джема, пачка печенья (из расчета одна печенюшка на брата в день) и сушки. Кроме этого, было немного соли и пол килограмма сахара. Вся провизия вместе составляла внушительный груз, однако она была строго рассчитана по дням так, чтобы мы могли наесться и полными сил идти с грузом за плечами, при этом не нести ничего лишнего. Конечно, в раскладке не было учтено участие Белки в походе. В то утро мы понадеялись, что Белка — это горная собака и сумеет сама добывать себе пропитание в горах, по крайней мере частично, поэтому ей досталось лишь немного каши, чему она, по-видимому, привыкшая ходить в походы с «изобильными» группами, идущими к Белухе и использующими вьючных лошадей, была искренне удивлена.

Когда мы собрали лагерь и вышли, было уже светло. Погода, как и в начале вчерашнего перехода, была хорошей. Мы перешли мост через Кучерлу, расположенный неподалеку от нашей стоянки, и снова оказались на ее левом берегу. Дорога по левому берегу разбита вездеходами, за деньги доставляющими туристов до поляны Изекерю — последнего места на Кучерле, куда может добраться автомобиль, и пешие туристы здесь практически не ходят, предпочитая левый берег с его удобной тропой и красивыми пейзажами, однако наш путь

В начале второго дня

лежал к левому притоку Кучерлы — Кулагашу, а следующий мост через Кучерлу находится значительно выше того места, где нам нужно было свернуть.

Дорога по левому берегу была уже местом, где мы с Сашей Кужелевым были впервые, что касается Витька-Бостона — он вообще впервые был на Алтае. Подъем вдоль реки был не крутым, идти было легко и мы непринужденно общались о наших походах.

Кужелев рассказывал, как накануне он решил подработать частным гидом и водил группу туристов на вершину Белухи, и как туристы, имевшие опыт восхождения на Эльбрус, отдувались и говорили что-то вроде «Эльбрус — легкотня, Белуха — вот это жесть!». Он рассказал, что они с группой наняли незнакомого коневода в Тюнгу, и на утро третьего дня у того заболел один из коней. Отпустив его с больным конем в обратном направлении в Тюнгур, они, тем не менее, договорились с ним о встрече тем же вечером на Ак-Кемском озере. Расстояние, которое предстояло при этом проехать коневоду за день, составляло примерно восемьдесят километров, но он заверил, что сможет преодолеть его и провизия, навьюченная на лошадях, будет на Ак-Кемском озере в срок. Конечно, ничего удивительного в том, что вечером они не дождались ни коневода, ни своих продуктов. На следующее утро Саша звонил мне со

спутникового телефона, который я давал ему на восхождение, чтобы уточнить номер тунгурской турбазы, и рассказал мне о ситуации с конями. Они уже собирались идти обратно в поисках коней и своей провизии, но, к счастью, ему удалось дозвониться и выяснить, что больной конь не дошел до Тунгура и умер, а его хозяин с провизией будет на Ак-Кеме к вечеру, таким образом, они потеряли всего один день из отведенных на восхождение и в конце концов полным составом успешно вошли на Белуху. Мы шли, разговаривали об этом, и не могли даже подумать что еще вспомним об этой истории!

Дорога отделилась от реки, и хотя её шум был все время слышен где-то слева, вокруг нас были деревья, и ориентироваться было довольно сложно. Наш поворот обещал быть малозаметным: с широкой лесной автомобильной дороги нам нужно было свернуть на тропу, и я то и дело доставал карту чтобы удостовериться, что мы не прошли нужное место. В одну из таких остановок Саня заметил под ногами медвежий след. Мы не придали этому особого значения: нам довольно часто приходится видеть в горах Алтая следы медведей, мы знаем, что здесь они есть, но их не очень много и они предпочитают держаться подальше от людей. Медведю просто незачем нападать на человека летом и ранней осенью: он сыт, и продолжает питаться изобильными дарами природы в виде брусники, бордовым ковром покрывающей землю в лесу, красной смородины, мелких животных и бог знает чего еще. Исключением может быть только тот случай, в котором медведю покажется, что человек угрожает его детенышу, или человек напугает его, или заставит подумать, что претендует на пищу медведя: к примеру, застанет его врасплох около добычи.

Вдоль дороги то и дело попадались кусты красной смородины, ягод было очень много и они уже успели хорошо поспеть. Мы остановились отдохнуть и я устроил большой набег на эти кусты. Я очень люблю этот вкус с кислинкой, а в сентябре на Алтае смородина особенно хороша, так что было очень трудно оторваться от поедания ягод. Белка бегала где-то рядом, Витёк и Саня отдыхали сидя на рюкзаках, светило солнце. Когда я вернулся из зарослей, ребята показали мне еще один след медведя, который я сперва не заметил. Мы двинулись дальше, начиная немного беспокоиться: что это за место такое, если медведи ходят прямо по дороге, несмотря на то что обычно они сторонятся людских дорог? Теперь я уже со всем своим вниманием смотрел под ноги и замечал то и дело один-другой след медведя. Следы не выглядели свежими, однако сам факт их наличия, и расположение, говорящее о том, что медведь периодически появляется здесь и не просто переходит дорогу, а ходит по ней, заставлял нас насторожиться. Белка продолжала спокойно бегать вперед-назад, чем успокаивала нас: в конце концов, она должна была первой почуять медведя и дать нам знать о его приближении. В один момент мы увидели следы медведицы с медвежонком, также идущие вдоль дороги, и решили достать металлическую тарелку и кружку и погрометь, создавая резкий шум и давая знать о себе всем медведям вокруг. Это делают для того, чтобы не застать медведя врасплох и не напугать его: медведица, услышав издали громкие незнакомые звуки, должна подчиниться инстинктам и увести детёныша прочь от их источника до того как этот источник сможет быть каким-то образом опасен медвежонку и ей самой.

Дорога все извивалась между деревьев, плавно набирая высоту, а мы так и шли, поочередно долбя в «маракасы» (так мы в шутку прозвали наш немудрёный «музыкальный инструмент»). Я не помню, где была Белка, и кто из нас троих шел впереди в тот момент когда мы вышли на небольшую опушку, на которой чуть в стороне от тропы лежало что-то большое, что-то страшное, что-то, за что сразу цеплялся взгляд. В моей памяти отчетливо запечатлелся этот момент — я смотрел на *это*, и какое-то время не мог понять, что передо мной. Какой-то экспонат из краеведческого музея? Глаза мои шли вдоль *этого*... Вот возвышаются голые рёбра... именно возвышаются. Они огромные, и кажется, что доходят мне до груди. Я смотрю на них и замечаю внутренности. Отвратительные, полусгнившие, они

лежат внутри скелета, и, наверное, источают кошмарный смрад, но в памяти не осталось никаких запахов...я все еще не понимаю, что *это*, мой взгляд скользит вверх, вдоль позвоночника. Позвоночник голый, но вот я вижу кожу, покрытую короткой коричневой шерстью. Вот грива. Я перевожу взгляд на ноги, от них еще кое-что осталось. Подковы! Это же конь! Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что перед нами лежит обглоданный труп коня. Огромный, страшный, лежащий в неестественной позе, обглоданный труп коня, окруженный...окруженный тысячами медвежьих следов! Позже мы узнали от местных жителей, что это был тот самый конь, которого неделю назад пытался, но так и не сумел спасти тунгурский коневод. Конь сперва лежал на тропе, но медведи утащили его в сторону. Зрелище было страшным, оно являло собой судьбу каждого, кому не посчастливилось встретиться с этим зверем в обстоятельствах, заставивших зверя напасть. Одному богу известно, какой силой обладает медведь: в моём воображении картина, в которой он тащит по земле огромную, неимоверно тяжелую тушу коня, выглядит мрачной и фантастической, но это не фантастика, а реальность, он действительно способен утащить коня...Это несчастное животное, погибшее от болезни, было для медведей пищей, и мне не хотелось представлять что было бы, найди они не коня, а человека, но эти мысли упорно лезли в голову.

Надо ли рассказывать, какими словами мы с товарищами выразили свои впечатления? Отмечу лишь, что сцена с конем была короткой, а наша оценка была лаконичной и ёмкой, мы коротко и по-русски обсудили ситуацию и наши дальнейшие действия, после чего поспешили покинуть это место, понимая, что находиться возле коня опасно. Не было никакого смысла возвращаться, так как, судя по следам, медведь мог прийти с любой стороны, и мы быстро продолжили путь в прежнем направлении, неистово долбя в свои «маракасы» и во всё горло распевая песни, таким образом оберегая себя от возможных встреч с не ожидающими увидеть нас медведями. Было страшно, но паники не было, адреналин гнал нас быстро, мы шли вверх и несли за спинами по тридцать килограмм на брата, так что очень скоро из-за такого темпа и груза почувствовали усталость и одышку, песни петь стало невозможно, но в «маракасы» продолжали долбить. Речи о том, чтобы сбавить темп или остановиться не было. Медвежьих следов стало меньше, а позже они совсем пропали, и наконец, минут через сорок, мы дошли до своего поворота и решили немного отдохнуть.

Все это время наша Белка бегала где-то рядом с нами. На труп коня она, казалось, не обратила никакого внимания, следы медведей ее тоже совершенно не заинтересовали и мы, чувствуя, что миновали опасность, начали подшучивать на тему ее участия в нашем походе. Ведь, даже против нашей воли, она уже стала частью нашей команды, и мы уже начали понимать, что нам придется её полноценно кормить! Иногда здорово посмеяться над собой, например, над тем, что следующие восемь дней тебе придется недоедать, отдавая часть пищи собаке, собаке-улыбаке, незваному гостю, наглой весёлой морде, которая то ли не умеет, то ли не хочет охранять тебя от медведей. Но вот наглая морда наострилась, посмотрела на ближайший куст, оскалила зубы и зло зарычала, а через мгновение испугалась чего-то и рванула в сторону...Нашу реакцию надо было видеть!

– Рюкзаки че, здесь оставляем и валим?! Потом заберем?!?

Я представил себе нас троих, убежавших без рюкзаков и размышляющих о том, что надо бы за ними вернуться, но также и о том, что нас будет здесь ждать когда мы вернемся: в трех рюкзаках было килограмм двадцать провизии, в том числе колбаса, запах которой наверняка хорошо чувствовался через толщу окружающих ее в рюкзаках вещей.

– Нет, рюкзаки на себя и пошли!

В этот раз мы практически побежали, и бежали еще минут сорок, не чувствуя усталости. Остановились только когда достигли поляны, с которой открывается вид на слияние Кучерлы и Малого Кулагаша. Поляна была большой, и мы сели в центре, чтобы была возможность увидеть приближающегося зверя издалека. Реальная опасность вряд ли могла грозить нам где-либо кроме того места, на котором лежала туша мертвого коня: алтайский бурый медведь — разумное животное, которому человек совершенно не нужен и не интересен. Мы так и не поняли, на кого рычала Белка, но все-таки не стали гадать и решили, что она достойна уважения, ведь, возможно, она нас спасла. Может быть, мы решили так потому, что были под впечатлением, а у страха, как известно, глаза велики, а может быть, потому что все больше и больше симпатизировали Белке, да и надо же было как-то оправдывать тот факт, что эта наглая улыбающаяся собачья морда будет нас объедать весь поход! Так или иначе, в последующие дни мы много смеялись, вспоминая, как подскочили от ее рыка и, не успев оглянуться, уже были под рюкзаками и «делали ноги», а потом оглядывались весь день.

"Алтайские маракасы"

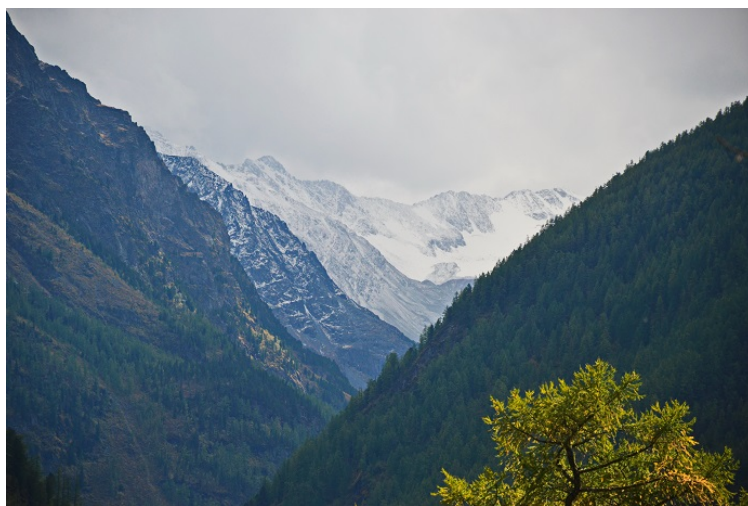
Погода тем временем начала портиться. Небо затянуло облаками, заморосил мелкий дождь, подул по-осеннему холодный ветер. Я решил воспользоваться минутой отдыха и нашел в рюкзаке свои мембранные штаны и куртку, ребята тоже надели непромокаемые вещи. Мы посидели еще немного и двинулись дальше. Мы шли по лесной тропе все выше и выше, стараясь держаться поближе друг к другу. Страх дикого зверя постепенно отступал, вместо него пришел голод: как обычно молочной каши хватило ненадолго. Мы хотели найти какой-нибудь ручей, чтобы остановиться и пообедать возле него, не экономя воду, но ручья все не было. Белка, наверное, совсем оголодала, когда мы решили остановиться и перекусить, не дожидаясь ручья.

Дождь постепенно переходил в мокрый снег, было холодно и Саша развел небольшой костер, чтобы вскипятить чай и погреться. На обед нам полагалось по бутерброду с копченой колбасой и салом, паштет, немного сыра, немного кураги и орехов, а так же банка консервированной фасоли на всех, немного джема, по печенье и по три дольки шоколада. Белке досталась честь облизать банку из-под паштета (Витёк переживал, как бы она не порезала о банку язык, но все обошлось), а так же кусочек сала. Он принялся за воспитание собаки, установив порядок, по которому сперва едят люди, а только потом — она. Он вообще симпатизировал Белке особо, и поэтому хотел, чтобы она вела себя, как подобает приличному псу. К тому же, зачастую, мы трое ели горячее, в то время как собаке, по словам Витьки, можно было есть только остывшую пищу, так как в противном случае она могла потерять свой нюх. Собака же с великой радостью принимала абсолютно все из съестного, и часто искренне не могла понять, почему люди уже едят, а она должна ждать.

Наевшись, мы сожгли в костре мусор, затушили его своей последней водой и двинулись дальше, надеясь что скоро встретим ручей и пополним запасы. Снег прекратился, и, кажется, ненадолго даже выглянуло солнце, я убрал свою мембранную куртку в рюкзак, но штаны передевать не стал. Тропа поднималась по своеобразной ложбине, так что горы не было видно. Мы шли и шли, а пейзаж перед глазами всё не менялся. Последний раз я сверялся с картой на обеде, и теперь понимал, что в этот день мы вряд ли успеем достичь долины Большого Кулагаша, к тому же в нескольких километрах, судя по карте, нас ждало зимовье —

домик местных охотников и промысловиков. Мы надеялись застать домик пустующим и переночевать в нем, ведь нам предстояло еще целую неделю ночевать в палатке, к тому же еще очень свежими были воспоминания об утреннем «медвежьем» приключении. Где-то через час мы встретили небольшой «караван» местных жителей, спускающих с гор мешки с кедровой шишкой. Мешки были навьючены на коней, по четыре на каждого, два поперек спины и два по бокам. На Алтае принято здороваться со всеми, кто встречается на тропе, а если ты встречаешь людей в таких местах, где встретить их можно нечасто, нужно обязательно немного поговорить, спросить о дороге, поделиться соображениями о погоде, о маршрутах, может быть, поделиться чем-то, жизненно необходимым встречной группе или попросить что-нибудь для себя. Мы перекинулись с алтайцами парой слов, рассказали им о своей утренней находке — коне, съеденном медведями, спросили, почему продают кедровую шишку (оказалось, цена была низкой - всего две тысячи рублей за целый мешок, но шишку им заказали заранее перекупщики, и не было никакой возможности отложить один мешок для нас на время похода). Распрощались и пошли дальше.

Вскоре тропа вышла из ложбины на пологий лесистый гребень, и по левую руку нам открылась невероятная панорама. Далеко внизу сливались две горные речки, одна из которых — Большой Кулагаш, образовала собой глубокую долину, открывшуюся нам теперь во всем своем горном великолепии. Долина простиралась километров на двадцать к югу и от нижнего к верхнему течению реки набирала около километра высоты. Речка была окружена лесом, в самом нижнем течении — берёзовым, уже успевшем одеться в золото, выше — зеленым, хвойным. Вдали виднелись горные вершины, окаймляющие долину, покрытые льдом и снегом. Где-то здесь, среди снежных гор, нас ждал перевал Красного Камня, и я знал, что путники, идущие на него, часто не находят верную седловину и по обманчиво простому пути подъема выходят на отвесные скалы, поджидающие их с обратной стороны гребня. Пейзаж завораживал. Над вершинами, в небе, клубились темные облака, подчеркивая суровость предстоящего нам пути, как бы предупреждая о том, что если Алтаю вздумается не пропустить нас — мы не пройдем. Мы остановились. Я достал фотоаппарат, и фотографировал этот невероятный горный пейзаж. Я думал о том, что, возможно, до самого горизонта здесь нет ни единого человека, что в этот сентябрь только мы решились пойти туда в поисках чего-то такого, что никак не можем найти в городах. Алтай — это огромная, дикая, неизведанная страна, дух первооткрывателей еще живет здесь! Иногда мне кажется, что герои моего любимого Джека Лондона сошли со страниц его книг и я встречаю их здесь, живущих сейчас, в двадцать первом веке.

Вид на долину Большой Кулагаш

Эмоции улеглись, мы с ребятами устроили небольшую фотосессию с нашей собакой и двинулись дальше. Минут через двадцать мы дошли до зимовья. Внутри, судя по всему, никого не было, но на двери висел замок. Среди местных жителей не принято закрывать зимовья на замки, и мы быстро обнаружили, что замок просто висит, не закрытый на ключ, видимо, таким образом домик был заперт от диких зверей. Мы единогласно решили остаться ночевать здесь.

Эмоции улеглись, мы с ребятами устроили небольшую фотосессию с нашей собакой и двинулись дальше. Минут через двадцать мы дошли до зимовья. Внутри, судя по всему, никого не было, но на двери висел замок. Среди местных жителей не принято закрывать зимовья на замки, и мы быстро обнаружили, что замок просто висит, не закрытый на ключ, видимо, таким образом домик был заперт от диких зверей. Мы единогласно решили остаться ночевать здесь.

Сходяв за водой на ближайший ручей, затопив печку, мы принялись готовить ужин. Было тепло, за окном был отличный горный пейзаж. Весь вечер мы провели в разговорах, говорили о прошедшем дне, о медведе, потом перешли на литературу, на наши привычки, увлечения...В этот вечер я понял, что команда подобралась отличная. Саню Кужелева я знал уже несколько лет, а в прошедшем сезоне мы с ним вместе водили туристов в горы. Высокий, худощавый, немногословный, он был профессионалом и я доверял ему как самому себе. Между походами, в Новосибирске, он работал промышленным альпинистом, это позволяло ему фактически все свое свободное время проводить с веревками, карабинами и прочим альпинистским железом, и зарабатывать этим на жизнь. Витёк — лучший друг Сани, который тоже подрабатывал промальпом в городе. В тот вечер я, по сути, только начинал с ним знакомиться. Он оказался интеллектуалом, мастером игры в шахматы, знатоком зарубежной литературы, игроком в «Что? Где? Когда?», что совершенно не мешало ему легко относиться к жизни, виртуозно ругаться на нескольких языках мира и периодически отправляться в путешествия автостопом без какого-либо багажа.

Ночью мы спали как убитые, и только часа в три я проснулся от лая Белки на улице. Я выглянул в окно, за стеклом была крошечная тьма. Лай прекратился и вскоре я снова заснул.

День третий

Мы встали в шесть утра, и я пошел на ручей умыться и набрать воды. Нужно было пройти метров двести по опушке и спуститься в некое подобие оврага, усыпанного камнями, по дну которого протекает ручей. Я не взял с собой фотоаппарат, но увидев, как выглядит долина в утренних красках, не поленился и вернулся за ним в зимовье. Окружавшие нас холмы были присыпаны по верхам свежим чистым снегом, это был, наверное, первый осенний снег в этом месте, потому что трава на холмах была еще зеленой. В красных лучах рассветного солнца Алтай выглядел спокойно и величественно. Я вдыхал холодный утренний воздух и у меня изо рта шел пар. Я сделал несколько фотографий и пошел к ручью.

Холодная свежесть алтайского утра дает одно из тех чувств, которые неосознанно остаются с тобой после похода, остаются где-то глубоко, но с новой силой приходят к тебе, стоит только вернуться в горы. Пока я умывался и чистил зубы, я вспоминал такое же свое утро лет десять тому назад, когда я впервые пошел в поход в горах Алтая. Это было на кедровых стоянках близ перевала Кара-Тюрек. Река в том месте, так же как здесь, была довольно далеко от самой стоянки: к ней нужно было спускаться метров сто пятьдесят по крутому кедровому склону. Тогда я так же, как и сейчас, пришел к реке один. Я помыл котелки, набрал в них воду, поставил на камни так, чтобы они не опрокинулись. Я сел на колени, окунул руки в холодную воду реки, умыл лицо с мылом, достал зубную щетку и почистил зубы. Необходимость идти за водой на речку, ледяная вода, чистый воздух, камни, порошкие лишайники, крутой склон, покрытый величественными кедрами, горный пейзаж вдалеке — все это казалось мне настолько привычным и естественным, будто я и вовсе не жил никогда в городе, а всю жизнь провел, странствуя по горам с рюкзаком за плечами. В тот момент у меня не было эйфории или какого-то безотчетного восторга. Я просто стоял один на берегу реки, смотрел вокруг себя и дышал. Я спокойно вдыхал холодный утренний воздух Алтая, я чувствовал себя здесь своим и улыбался внутри себя этому чувству. Я знал, что приду сюда еще много раз.

Когда я вернулся в зимовье, мои товарищи уже занимались едой. Саша предложил изменить наш режим питания, а именно поменять местами завтраки и ужины: утром готовить что-нибудь с мясом, а вечером — молочную кашу с сухофруктами. Для меня это было непривычно, но мысль была резонная: после вчерашнего легкого завтрака мы едва дотянули до обеда, а сил днем нужно было много. Конечно, после тяжелого перехода всегда

хочется поужинать поплотнее, но наш поход был длиннее обычного, в этот раз мы не

Витёк переносит Белку через реку

Белка, казалось, была вполне довольна такому нашему решению, в любом случае, выбирать ей не приходилось.

использовали выючных лошадей, а все несли на себе, и, соответственно, у нас была более экономная по весу раскладка, так что нам так или иначе приходилось экономить еду, и идея съедать норму тушенки утром, а перед сном есть что-то полегче отлично вписывалась в наши обстоятельства. Мы определили пайку для Белки — отныне ей полагалась треть человеческой порции (каждый из нас отдавал ей понемногу из своего), кроме этого ей доставался жир из тушенки.

Позавтракав, мы собрали рюкзаки и пошли. Сегодня наш путь лежал в долину Большой Кулагаш, в ту самую, которой мы любовались вчера. Нам нужно было спуститься метров на триста вниз по пологому травяному склону к реке Малый Кулагаш, пересечь ее как-то (мне говорили, что в этом месте через реку повалено много деревьев и можно по ним перебраться), затем двигаться по лесу в сторону реки Большой Кулагаш, и, когда мы выйдем на тропу у реки, идти вверх по тропе вдоль реки против ее течения.

В самом начале нашего утреннего спуска была еле заметная тропка, сперва мы пошли по ней, но Белка, бегущая впереди, вдруг насторожилась и не захотела идти дальше. Мы переждали немного на месте и пошли снова, но собака опять чего-то испугалась и попятилась назад. Решив не испытывать судьбу после своих вчерашних «медвежьих» впечатлений, мы пошли напрямик вниз, к реке. Если не считать того, что внизу нам пришлось метров двести пробираться по бурелому, мы достаточно легко нашли место с удобными бревнами для перехода. Мы легко перебрались на противоположный берег, Витёк перенес Белку на руках. Лес за рекой был устлан толстым, мягким ковром мха, здесь росло много брусники и кое-где попадалась смородина. Достаточно быстро мы вышли на нужную нам тропу и двинулись вверх по Большому Кулагашу.

Река то и дело разливалась, образуя собой небольшие озера. Тропа петляла между деревьев, иногда перескакивая с одного берега реки на другой. Несколько раз мы сбивались с тропы и вновь находили ее, несколько раз переходили Большой Кулагаш вброд (примерно по колено), один раз перебирались по бревну (Витёк перенес Белку на руках, а я сумел поймать момент и сделать умильную фотографию этого действия). Настроение было приподнятым. Погода была отличной, самочувствие — тоже, поход шел по плану. Сегодня нам оставалось только идти вверх по долине, любоваться горами, и вечером найти хорошее место для лагеря. Я много фотографировал, наслаждаясь сочетанием в кадре сразу трех сезонов: внизу, там где мы шли, было еще лето, трава зеленела на фоне голубой воды Кулагаша, чуть выше, на склонах, была осень: карликовая березка покраснела от заморозков, лиственницы пожелтели, а дальше, в горах, там, где уже не было ни травы, ни деревьев, царила зима: склоны были покрыты снегом и льдом. Прямо по курсу по мере нашего продвижения постепенно вырастала большая гора. Соседние горы были скрыты близлежащими склонами, и она крутой пирамидой возвышалась надо всем, что мы могли видеть. Я знал, что на самом деле это одна из трех безымянных вершин, венчающих долину,

обозначенная на карте как 3339,4 (по своей абсолютной высоте над уровнем моря, выраженной в метрах). Я знал, что наш завтрашний путь пройдет близко к ее подножию и рассчитывал рассмотреть ее получше, и, может быть, даже наметить путь для будущего восхождения на вершину.

Вершина 3339,4

День выдался долгим, с утра мы прошли почти десять километров и набрали около шестисот метров высоты. Мы пообедали на одном из озер, показавшемся нам особенно уютным и живописным, а перед обедом прошли мимо большого водопада напомнимшего мне водопад Куйгук. Уже вечером, уставшие, мы пришли в прекрасное место — в тени кедров располагалась уютная полянка, заботливо усыпанная хвоей. С поляны открывался вид, в сумерках показавшийся нам фантастическим: по склону на фоне гор рассыпался целый каскад водопадов. Ничего лучше нельзя было и придумать, и мы остались здесь ночевать. Мы сделали из камней костровище, набрали дров и приготовили ужин. Перед сном, у костра, мы развалились и долго травили байки, а Белка свернулась калачиком рядом и в полудрёме слушала нас.

День четвертый

Все утро я фотографировал водопады. Небо было ясное, но солнце еще не вышло из-за гор, когда я уже был на ногах и бегал по склону долины, пытаюсь найти идеальный ракурс. Было тепло и трава была сухой: роса сегодня не выпала. Тень противоположного склона медленно ползла вниз, и я ждал, когда солнце осветит самый близкий к нам, самый большой водопад. Одной из целей нашего похода были именно фотографии, которые должен был сделать я, поэтому у нас с ребятами был уговор: ради фотографий я мог задерживать наше передвижение сколько угодно, лишь бы это не ставило нас в опасное положение. Мои товарищи, в свою очередь, обещали относиться к этому с пониманием и терпением.

Я был фотографом в нашей команде исключительно из-за того, что только я имел возможность одолжить хорошую фотокамеру. Я никогда не учился фотографировать, все мое образование в этой сфере сводилось к тому, что непосредственно перед походом, уже по дороге на Алтай, в автобусе, я прочитал инструкцию от фотоаппарата. Надо сказать, прочтение инструкции оказалось полезным: теперь я мог пользоваться разными режимами, настройками, и даже на время мог вообразить себя настоящим фотографом. Конечно, до высокого качества снимков мне было очень далеко, но эта игра была мне по душе.

Фотографии водопадов, как мне казалось, удались. Мы собрали лагерь еще до завтрака, и, наевшись гречневой каши с тушенкой, двинулись в путь. Несмотря на то, что за три дня мы не успели съесть и половины своей провизии, и, соответственно, наши рюкзаки были еще очень тяжелыми, шлось легко. Белка как всегда бегала взад-вперед с радостно высунутым языком, подпрыгивая и пытаясь поймать не то пицху, не то мышь-полевку. В конце концов она прибежала откуда-то сдохлой мышью в зубах, за что была дружески удостоена нового

звания «трупоед» (надо сказать, немногим раньше за определенные действия Витёк прозвал ее «говноедом»). По мере подъема верхняя часть долины открывалась все более широко и я испытывал громадное визуальное удовольствие. Одно место впечатлило меня особенно: это был широкий разлив реки, притаившийся в своеобразном цирке, эдакий райский уголок, укрытый от посторонних глаз. На берегах росли невысокие аккуратные сосны, обычные для такой высоты над уровнем моря. Со склонов вокруг спадало несколько небольших искрящихся на солнце водопадов. Вода, текущая меж камней под ногами, радовала глаз своей светящейся бирюзой, а над нашими головами возвышались горные вершины, присыпанные свежим сентябрьским снегом.

Мы пересекли реку по камням с левого на правый берег и пошли выше. Минут через двадцать мы поднялись туда, где открывается вид на широкую верхнюю панораму долины с тремя вершинами, одну из которых мы уже видели вчера. На этой высоте уже царствовала осень: долина, покрытая ковром из карликовой березки, горела всеми оттенками оранжевого и красного. Два больших, изогнутых, вытянутых в длину озера расположились на дне долины одно за другим, разделенные тонким каменистым перешейком. Вода в озерах имела глубокий аквамариновый цвет, на поверхности была рябь от ветра. Нам предстояло обогнуть озера и уходить выше, и мы остановились, чтобы отдохнуть и перекусить. Место было открытым и ветер дул беспощадно, несмотря на яркое солнце было довольно холодно. Мы достали фундук и курагу, и, перекусывая, обсуждали дальнейший путь. Мы знали, что если зайдём в заросли карликовой березки, и там не окажется тропы, придется с огромным трудом продирааться через нее, и наше передвижение замедлится в несколько раз, поэтому решили сперва обогнуть первое озеро (благо берег здесь был травянистым), а дальше пройти выше и левее второго озера, подняться на невысокий моренный гребень и траверсом выйти на каменистую полку, расположенную по ту сторону дальнего озера.

На перешейке нас ждала старая негодная лодка. Не представляю, как и когда она там оказалась. Скорее всего, очень давно была заброшена вертолетом, ибо притащить её на руках

В лодке на перешейке

в это место — просто нереально, а процесс перевозки лодки на коне — вообще трудно себе представить. Кому и зачем она была здесь нужна — тоже не ясно, ведь по этой долине, несмотря на ее красоту, не проходят туристические маршруты: из-за особенностей рельефа любой маршрут через Большой Кулагаш будет очень сложным. Впрочем, мы были одни в долине, и нам было до смеха: Саня и Витёк уселись в лодку, и принялись серьезно и со всем усердием грести trekкинговыми палками,

изображая весла. Я снимаю их на видео, а один говорит другому: «Витёк, грести, не отвлекайся!». Я спрашиваю: «Ребят, откуда плывёте?», на что получаю ответ «Слоны летят на север, а мы плывем на ...!» (на три буквы). И только потом они понимают: «Ты на видео снимаешь?!?»

По морене первым шел Саня, за ним — Витёк, Белка бегала где-то между ними, я шел последним и периодически фотографировал. Этот участок показался мне тяжелым. Мы шли по каменному откосу, все время набирая высоту, справа внизу виднелись озера, камни под

ногами зачастую оказывались «живыми», тяжелый рюкзак вносил некоторый дисбаланс в движения и я пользовался своим ледорубом как дополнительной опорой. Нашей сегодняшней целью было найти место ночевки под перевалом Красного Камня, с утра казалось что идти недалеко и мы решили что пообедаем, когда будем уже на месте, но сейчас голод начинал брать свое, и перекус в виде сухофруктов и орехов лишь слегка облегчал его. К тому моменту как мы обогнули озера, я сильно устал, Витёк, казалось, тоже, и только Саша был бодр и убежал вверх смотреть дорогу в камнях, в то время как мы развалились на рюкзаках, достав заодно немного орехов чтобы подкрепиться. Он быстро вернулся и сообщил, что подъем хороший, и мы двинулись дальше.

Это был почти конец нашего сегодняшнего пути. За перегибом нас ждал первый в этом походе снежник — прощайте, деревья, прощай, трава, теперь только камни и снег. Я снова вспомнил группу, штурмовавшую Тренировочный перевал в жуткую непогоду. Сейчас этот перевал стоял прямо перед нами, в нижней части покрытый льдом, оскалившийся бергшнудом — горизонтальной трещиной на перегибе склона, а справа от перевала, на несколько сотен метров выше, находилась вершина 3339,4, та самая, на которую я любовался вчера. Сейчас она казалась более понятной, более земной, чем издавна. Я прикинул, по какому маршруту можно было бы на нее взойти. Пожалуй, единственным безопасным вариантом, но вместе с тем совсем не простым был северный гребень.

Мы продолжали подъем по камням. Перед нами открылась целая каменная пустыня. Ледник, который когда-то покрывал это место, растаял тысячи лет назад, и теперь безжизненная морена огромными каменными складками расстилалась между отвесными скалами, обрамляющими верховья долины. Здесь были камни размером с чемодан, размером с легковой автомобиль и даже огромные валуны, не меньше деревенского дома. То здесь, то там попадались снежники, и там, где они лежали, идти было легче. Мы обходили каменную стену, ограждавшую слева нашу «пустыню», и по мере того, как мы продвигались дальше, из-за угла начинал открываться перевал Красного Камня. Мы были уже достаточно высоко и близко к перевалу, оставалось только найти подходящее место для ночевки. Примерно через полчаса такое место нашлось: на дне каменной ложбины глубиной метров в 10 лежал клочок ровной земли, достаточный для того, чтобы установить одну или две палатки, а рядом с ним по дну протекал мелкий, но чистый ручей. Склоны ложбины были достаточно пологими, чтобы не бояться падающих камней, и мы решили ставить палатку здесь. Спустившись, мы обнаружили, что здесь тепло: ветер, который во всю веселился сверху, не попадал сюда, а солнце светило так же ярко. Это был небольшой клочок уюта в огромной холодной безжизненной пустыне, и Саня отметил, что вероятность найти здесь такое место была один на миллион.

Сказать, что мы были голодны — ничего не сказать, и, движимые желанием наполнить желудки, а так же рассудив, что можно избавиться от необходимости тащить на перевал несколько лишних граммов, мы закатали пир: добавили к стандартной обеденной пайке по дополнительному кусочку сала из «неприкосновенного запаса», и позволили себе съесть по целой столовой ложке сгущенного молока с печеньем.

После обеда ребят разморило. Саша лёг в палатке, а Витёк разложил коврик прямо на улице, завернулся в спальник так, что выглядел как один нос и наслаждался отдыхом до тех пор, пока к нему не подбежала благодарная Белка и не начала лизать его прямо в лицо. Мы с Саней чуть не надорвались от смеха, когда услышали его крики «Уууууиди от меня, трупоед....ааааа.....говноед!!!! Белка, уйди, дура!!! Че те надо, пошла вон, ты че дура, аааааа, Белка, говноед ты проклятый, хуле ты меня лижешь, сперва трупы выкапываешь и жрешь, а потом меня в лицо!!!!Белка, ну я тебя как человека прошу....!!!!!!».

Немного успокоившись, я решил прогуляться и посмотреть поближе на перевал Красного Камня. Обманчивый перевал! Сколько путников вышли на ложную седловину из-за того, что заранее не смогли найти о нем никакой информации и уже на месте поддались желанию идти по наиболее пологому пути подъема. Мне было известно об этом, но я также как и другие не знал заранее правильного пути и того, где именно находится верная седловина. Я встал на камень и долго рассматривал склон, по которому нам предстояло подниматься, иногда сверяясь с картой. Склон был достаточно крутым, покрытым «сыпухой» - мелкими и средними камнями, готовыми сползти или полететь вниз как только на них ступит нога человека. Местами из сыпухи торчали скальные зубья, небольшие островки уверенности на этом большом ненадежном склоне. Там, где склон встречался с небом, можно было видеть большую, очевидную перевальную седловину, она находилась справа и к ней вел наиболее логичный подъём, однако я знал, что это и есть признак неверного пути, и, сверяясь с картой, стал искать другое место, то место, которое было нам нужно. Мне потребовалось некоторое время, чтобы разглядеть небольшую неявную выемку в гребне слева, там, где, судя по карте, и был наиболее простой спуск по ту сторону перевала. Эту выемку можно было увидеть лишь под определенным углом, и, постояв так еще немного, я пришел к выводу, что это и есть перевал Красного Камня, перевал, который мы будем штурмовать завтра, возможно, впервые в истории имея в команде не только людей, но и собаку, привязавшуюся к людям по неосторожности.

Витёк прилег отдохнуть, Белка дремлет рядом

День пятый

Будильник прозвенел в полшестого утра. Я выглянул из палатки и не смог определить погоду с первого взгляда: небо было монотонно серым, но дождя не было. Это был тот утренний час, когда звёзд на небе уже нет, но до восхода солнца еще далеко. Я было подумал, что хорошая погода оставила нас, но спустя несколько минут понял, что небо ясное, просто солнце еще за горизонтом, за тем горизонтом, который мы видели бы, не будь вокруг нас гор. Так и было: вскоре небо стало голубым.

Ручей замерз за ночь, и чтобы набрать воды, пришлось ледорубом ломать ледяную корку. Саша взял у меня фотоаппарат и сделал несколько кадров с торчащим из льда ледорубом. Сегодня у нас был первый перевал, от его удачного прохождения во многом зависел исход всего мероприятия. Важно было выйти пораньше, поэтому на завтрак мы приготовили самое быстрое блюдо — лапшу быстрого приготовления, обогащенную тушеной говядиной: по две пачки лапши на брата и одну банку тушенки на всех. Этим же утром я окончательно понял, что просчитался с сахаром: шел только пятый день похода, а мы уже высыпали последние его ложки в чай. Нужно было брать килограмм а не полкилограмма, так как в условиях экономии пищи человек неосознанно стремится съесть или выпить чуть больше сладкого. Я сказал тогда парням, что отсутствие сахара - это не беда, у меня был опыт похода без соли, так вот, не иметь соль в походе — гораздо плачевнее, чем не иметь сахар, и это чистая правда!

Перевал Красного Камня имеет категорию сложности 1А, и, соответственно, не предполагает использование снаряжения, хотя категории на Алтае часто бывают чисто условными: ту же 1А имеет всем известный Кара-Тюрек, по которому без всяких проблем проходят конные караваны! Определяющая (то есть более сложная) сторона перевала — со стороны Большого Кулагаша, нам предстояло по ней подняться. Это был тот самый крутой осыпной склон, который я изучал вчера. Когда мы подошли к подножию, я изложил товарищам свои мысли относительно подъема. Главной идеей было передвигаться от скалы к скале, стараясь поменьше идти по «открытой» сыпуче. Мы надели каски и двинулись вверх. Медленно, но верно мы поднимались к седловине, стараясь не находиться прямо друг под другом, чтобы не скинуть камни друг другу на голову. Белка бегала по склону то вверх, то вниз, чем создавала для нас опасность: она совершенно не старалась быть аккуратной и часто у нее из-под лап вылетал один или несколько камней. Мне вспомнились те эмоции, которые я испытал, когда она только прибилась к нашей тройке: совершенно не хотелось из-за ее глупости получить камнем по голове.

Склон доходил по крутизне градусов до сорока, на практике такая крутизна означает, что некоторые люди, смотрящие вниз со склона, испытывают страх падения с высоты, так как чувствуют, что если упадут, могут уже не остановиться и улететь вниз, а камни под ногами держатся плохо, но все таки еще держатся. Однако, с определенной долей осторожности подняться пешком здесь было можно и, если бы не Белка, даже вполне безопасно.

В какой-то момент мы присели отдохнуть в удобном месте под скалой, закрывающей нас от возможных камнепадов. Солнце уже вышло из за горы и Белка жмурилась, свернувшись

Белка на высоте

калачиком на крупном камне над пропастью, и в этот момент представляла собой совершенно уникальный кадр для фотографа. Мы уже привыкли к хорошей погоде, которая сопровождала нас третий день кряду, казалось, что на Алтае всегда солнечно, хотя мы отлично знали, что это не так. Мы смотрели на Большой Кулагаш сверху. Гора 3339,4 стояла прямо напротив нас, и сейчас можно было в подробностях рассмотреть её скальные склоны, отвесные обрывы и гребни, ведущие к

вершине. Я продолжал думать о том, чтобы вернуться сюда и взойти на нее.

Еще не настал полдень, когда мы всей командой достигли седловины. По ту сторону перевала открылся невероятный пейзаж! Огромные просторы предстали перед нашими глазами, до самого горизонта раскинулся Горный Алтай. Целая цепь скалистых и снежных гор, образующих собой множество глубоких долин вырастала вдалеке в синей дымке, и выше всех гор, словно исполинская голова на могучих плечах Алтая-гиганта, играя незнакомыми раньше гранями, вздымалась гора Белуха, высочайшая вершина Сибири, величественная и неповторимая святыня алтайских гор. Под ногами, далеко внизу зеленела кедровая долина Тегеек, в которую пролегал наш путь. Мы находились на высоте 2750 метров над уровнем моря.

Немного осмотревшись, мы обнаружили перевальный тур — значит, седловина была верная! В туре было две записки — одна плотно закупорена в банке, другая завернута в

целлофановый пакет. Та, что в пакете, была не читаемой — множество дождей прошло с тех пор, как кто-то ее оставил, упаковка оказалась не герметичной, и все слова смылись водой. Записка из банки сохранилась лучше, она была оставлена группой из Москвы около года назад, в ней объяснялась логика спуска в Тегеек — группа переходила перевал в обратном направлении и дойдя до седла решила поделиться в записке наиболее удобным маршрутом. Впрочем, для опытного туриста маршрут спуска был очевиден: нужно было спуститься прямо вниз по некрутому осыпному склону и дальше идти по «зеленке» вдоль левого борта долины, обходя видневшиеся правее скальные сбросы.

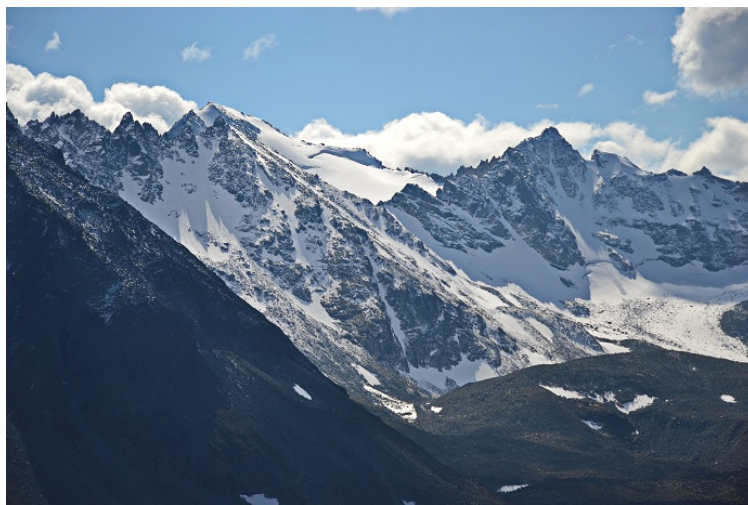
На перевале не было воды и мы не могли пообедать, поэтому, отдохнув немного, сделав несколько портретов друг друга на фоне Белухи и попрощавшись с долиной Большой Кулагаш, мы двинулись в путь. Склон, по которому мы спускались, был юго-восточным, и этой стороне перевала явно доставалось гораздо больше солнечного света в году: метров на двести ниже седловины уже начинала расти трава, причем здесь она еще только начинала желтеть. Вообще, долина Тегеек выглядела очень дружелюбно.

Мы шли вниз в приподнятом настроении: погода была отличная, пейзаж-волшебный, основное препятствие сегодняшнего дня позади. Нам оставалось лишь спуститься примерно на пол километра по весьма пологому склону. То и дело доставая фотоаппарат, я сделал несколько удачных кадров и это радовало меня не меньше, чем простота оставшегося пути, как вдруг что-то пошло не так. Я не успел ничего понять, лишь промелькнуло молниеносное «все, конец...». Мое тело катилось со склона кубарем, я потерял ориентацию в пространстве, а руки мои лихорадочно пытались схватиться за что-нибудь. В такие моменты не бывает ни страшно, ни больно — страх обычно бывает перед падением, боль же приходит после него, но только если ты еще жив. Когда ты падаешь, время как будто бы замедляется: ты будто смотришь замедленный видеоролик. В тебе нет страха и боли, но из груди непроизвольно вырывается крик...Мое падение прекратилось. Я осознал, что жив, и практически цел, только жутко болела левая рука. Я пролетел пять-шесть метров по склону и остановился, явно получив серьезную травму левой кисти. В таких обстоятельствах, как наши, любая травма была бы серьёзной: нас было только трое в центре огромной горной страны, до ближайшей цивилизации было минимум четыре дня пути, каким бы дальнейшим маршрутом мы не последовали.

Я аккуратно встал и неверной походкой дошел до ожидающего меня чуть ниже по склону и видевшего моё падение Саши. «А я думал, ты уже не остановишься», сказал он невозмутимо как всегда. Нас догнал Витёк, который шел замыкающим, и мы присели обсудить произошедшее. Кисть распухла. Я начинал понимать, что проблема относится в первую очередь к указательному пальцу и либо к косточке, либо к связке, идущей к нему: все пальцы работали нормально, а указательным совершенно невозможно было пошевелить. Саня перевязал мою руку эластичным бинтом.. Мои товарищи выглядели озабоченно, в воздухе повис вопрос «что теперь?». Мысленно проиграв варианты, в том числе вызов вертолета для моего спасения, я решил, что для отказа от наших дальнейших планов никаких причин не было, травма не угрожала жизни и в ближайшие дни обещала лишь некоторые дополнительные трудности. Нельзя было отказываться от нашей авантюры из-за какой-то руки, в конце концов, прошли ведь мы первый перевал с собакой! Мои товарищи восприняли мой настрой так, как должны воспринимать подобное люди гор: они не стали вносить в мою душу сомнения, а коротко согласились продолжить путь. Кто-то из них дал мне свою треккиговую палку, и теперь, держа ее четырьмя пальцами травмированной руки, я как будто все время показывал сам себе путь вперед, будучи неспособным согнуть указательный палец.

Я быстро приспособился к тому, чтобы идти, опираться рукой на палку, при этом не касаться больного места и не шевелить пальцем. Боль можно было терпеть и я даже делал фотографии как-то. Я думал о том, что вот-вот мы сможем увидеть перевал Стрела, самое главное препятствие на нашем маршруте. Тот самый перевал, о котором я так и не нашел вразумительной информации перед походом, о котором я знал по обрывочным отзывам, что он явно был недооценен, когда ему присвоили категорию сложности 1Б. Судя по тем фотографиям, которые я видел, подъем на Стрелу от самого подножия и до седловины был покрыт снегом, а в середине подъема находились две большие расположенные горизонтально скалы, между которыми был очень крутой ледовый перешеек. Неудачный срыв с верхней части склона обещал головокружительный полет с приземлением на эти скалы. С обратной стороны перевала, ниже седловины метров на 200 нас ждал ледник, испещренный огромными трещинами, подтаивающий и меняющийся из года в год. Нам не было известно, каким способом лучше спуститься в долину Дарашколя, мы рассчитывали разобраться на месте. Примерно одна четвертая веса наших рюкзаков была снаряжением, необходимым для преодоления Стрелы. Идти по снегу и льду Стрелы нужно с ледорубом, и я не хотел думать о том, как я буду держать его после своей травмы.

По мере спуска справа постепенно открывались верховья долины Тегеек. Это был горный цирк огромных размеров, стены его были покрыты снегом до самого гребня, образующего собой несколько острых вершин. Местами под действием ветра снег обретал причудливые формы, свисая со скал гигантскими карнизами, готовыми обвалиться в пропасть, или образуя крутые и острые ветровые гребни на спусках. В левой части цирка гребень имел почти ровный, острый вырез в виде перевернутого треугольника. Судя по карте, это и был наш будущий перевал, но никому из нас не приходилось видеть фотографии Стрелы с такого ракурса и мы гадали, он это или нет. Отсюда подъем на перевал выглядел грозно, сложно было поверить что мы сумеем добраться до седловины, но мы знали, что спешить с выводами нельзя. В горах, как и в городе, сложная задача становится легче, если разделить ее мысленно на несколько более простых. Сегодня мы уже преодолели перевал

Перевал Стрела, вид с "панорамного бара"

Красного Камня, и нам оставалось пройти до цирка. Это было нашей главной задачей, а подъем на Стрелу был делом завтрашним, и следовательно, таким же далеким, почти нереальным, как следующий, еще не запланированный, поход.

Спустившись примерно на полкилометра, чуть в стороне от наиболее удобного пути спуска, мы нашли небольшую замечательную травянистую полочку, нависшую над обрывом. Это было идеальное место для обеда, эдакий «панорамный бар» долины Тегеек, жаль только без напитков. Решив пообедать со вкусом, мы осторожно, чтобы не упасть, забрались на неё, Белка последовала за нами. Обед был великолепным: согласитесь, не каждый день можно перекусить, развалившись в теплой траве над обрывом, оглядывая с высоты одну из красивейших долин Горного Алтая, зная наверняка, что на много километров вокруг нет ни единой души. Мы непринужденно беседовали, и я забыл о своей руке. Меню было обычным, за исключением сыра-косички, который я взял на один раз и который мы решили съесть сегодня. К моему счастью, Витёк отказался от своей доли, и мне досталось немного больше

сыра, о котором я давно уже вспоминал. Оказалось, кстати, что он не только не любит сыр-косичку, но еще и ненавидит сухофрукты, особенно чернослив. Как сейчас помню его лицо с выражением крайнего отвращения, и небольшую мотивирующую речь, обращенную к себе самому и к черносливу, в которой говорилось, что чернослив — это как лекарство, как самая невкусная на свете таблетка, но вот сейчас она очень ему нужна, и она ему очень поможет. Оказалось, он с детства так уговаривает себя есть сухофрукты.

После обеда мы двинулись дальше. Спускаясь по кедровому лесу, мы обнаружили, что Белка куда-то пропала. Она все не возвращалась и ребята начали беспокоиться и звать ее. Саня звал ее по имени быстро и много раз, как бы с призывным выражением:

- Белка, Белка, Белка, Белка! Белка, Белка, Белка, Белка! Белка, Белка, Белка, Белка!
- Витёк очень громко и с выражением «Ау»:
- Бееелкаааа!!! Бееелкааааа!! Бееееелкаааа!!!

Белка не отзывалась минут десять а потом как ни в чем не бывало выбежала из леса. Заметно повеселев, мы продолжили свой путь. Судя по карте, идти до озера Тегеек, расположенного в верховьях долины, оставалось всего несколько километров. Мы быстро спустились к реке, но набитой тропы вдоль неё не было, и нам пришлось долго продираться через карликовую березку, то выходя на звериные тропы, то попадая в сплошные густые заросли. Когда мы достигли озера, стали решать, остаться ночевать здесь или пойти дальше. Соблазн остаться был очень большим: это было невероятно красивое и уютное место, примерно на границе леса, здесь можно было найти дрова и разжечь костер. Но мы знали, что хорошая погода не вечна, и если нам повезет завтра вновь провести день под солнцем, надо использовать его по-максимуму: нас ждал перевал Стрела. Солнце еще не зашло за горизонт и у нас был час-полтора на то, чтобы подойти к перевалу ближе. Завтра на перевале этот час может стать критическим. Было жалко уходить с озера Тегеек, но мы надели рюкзаки и пошли. Я сделал на прощание несколько кадров. Да, это место стоило времени и внимания, но наши планы были важнее.

Мы обошли водопад над озером и около часа поднимались по морене. Уже ближе к сумеркам мы разбили лагерь на маленьком озере с видом на снежный цирк Тегеека. Поставив готовиться на газу пшеничную кашу, мы принялись подгонять кошки к своим ботинкам: завтра это могло сэкономить время. За ужином нас разочаровала Белка, она была ужасно голодна, и вела себя совершенно неподобающе воспитанной собаке: кидалась на нас и клячила кашу в то время, как она еще не успела остыть. Витёк попытался объяснить ей её неправоту, но это совершенно не помогло, в конце концов каша остыла и она получила свою порцию.

Солнце зашло. В небе на западе над горами еще оставалась красивая узкая голубая полоска, плавно переходящая в звездную черноту на востоке. После долгого дня я валился с ног. Этой ночью я спал без снов. Во сне рука почти не болела.

День шестой. Часть первая.

Сложно описать то чувство, которое было у меня этим утром. Я смотрел на горы, острыми снежными пиками врезавшиеся в небо. Я знал, что Стрела где-то здесь, между этими пиками, за моренной грядой. Меня охватило приятное волнение: мы зашли уже очень далеко, и я чувствовал, что сегодня нам предстоит сделать шаг в неизвестность и увидеть Стрелу в тех подробностях, в которых я не мог видеть ее даже в своих многочисленных снах за год подготовки. Это было близко к тому, что я называю «острым чувством реальности происходящего» - приятному состоянию, которое часто приходит ко мне в походах. В такие минуты я не думаю ни о чем, кроме того, что происходит со мной прямо здесь и сейчас, в голове моей абсолютная ясность, а мое зрение, слух и другие чувства обостряются до своего

максимума.

Солнце еще не вышло из-за гор, когда мы собрали лагерь и двинулись к перевалу. В самом начале пути нам предстояло обойти озеро, на котором мы ночевали, и примерно в его середине мы увидели подмороженные следы молодого медведя. На этот раз они не произвели особого впечатления: медведь был один и по-видимому просто приходил на водопой к озеру вчера вечером. Сейчас он не представлял для нас никакой опасности, я сфотографировал следы и мы пошли дальше.

К полудню мы прошли около трех километров по морене, постоянно взбираясь все выше и

Цирк долины Тегеек

выше по бесконечным нагромождениям из огромных камней, оглядываясь вокруг и сверяясь с картой, чтобы не пройти то место, где нужно было надевать кошки и уходить вверх по снежному склону. Перевал еще не было видно, когда мы решили, что он за следующей каменной грядой, и нам будет удобнее уйти вверх здесь и пройти по снегу выше, там, откуда, по нашим предположениям, мы должны были увидеть седловину и решить, каким путем нам на неё выйти. При подготовке к походу нам так и

не удалось найти детального описания перевала, мы нашли лишь обрывочные сведения и несколько фотографий, и сейчас нам предстояло определять свои действия по ходу движения.

Мы надели кошки, каски, солнцезащитные очки, взяли в руки ледорубы. Снежный склон был не очень крутым, но я настоял на том, что уже здесь мы должны связаться и достал из рюкзака веревку. Наверное, не зря меня называют помешанным на безопасности. Саша, имевший за плечами множество сложных походов по разным хребтам Алтая и два восхождения на Белуху-восточную, прочитал нам короткий инструктаж о перемещении в связках, мы надели обвязки и пристегнулись к веревке на расстоянии десяти метров друг от друга: Саня — первый, я — средний, Витёк — замыкающий. Расстояние от первого до замыкающего составляло двадцать метров, а веревка была пятидесятиметровая, так что ее концы — по пятнадцать метров на брата — Витёк и Саня аккуратными бухтами сложили в свои рюкзаки, при этом мой рюкзак, в котором я нес веревку с начала похода, стал легче почти на четыре килограмма. Я проглотил две таблетки обезболивающего, чтобы в ответственный момент боль в руке не помешала мне воспользоваться ледорубом. Саня двинулся вверх, постепенно расправляя веревку между нами. Когда на ней остался лишь небольшой провис, я тоже пошел вверх, и еще через десять метров наш замыкающий присоединился к движению. Белка бежала зигзагами слева от нас, то убегая выше, то возвращаясь, и оставляла на снегу какие-то безумные хитросплетения своих собачьих следов. Наш склон был в тени, и на снегу была твердая корка, так что мы не проваливались и идти было довольно легко. Вскоре мы вышли по снегу на некрутую верхнюю часть моренной гряды и оттуда впервые увидели Стрелу. Все верно, мы не ошиблись.

Перевал предстал перед нами немного с другого ракурса, нежели на тех фотографиях, что я видел. Мы поднялись значительно выше, чем находилась точка съемки у наших предшественников, и теперь внизу за камнями нас ждал крутой снежный склон. Мы

отдохнули минут пять и обсудили детали дальнейшего маршрута. Заветная седловина, казалось, была уже рядом, всего ничего — и мы дойдем до нее и увидим новую долину, долину озера Дарашколь! Но это было первое и обманчивое впечатление: сперва нам предстояло не набирая высоты двигаться по снегу вправо к скалам, потом подняться по ним на большое и крутое снежное поле, ведущее к седловине, и снова по снегу двигаться вверх. На всем пути до самого перевала была вероятность сорваться и полететь вниз, и здесь наша связка, призванная не дать упасть тому из нас, кто не удержится на снегу или скалах, была уже необходима. Серьезность дальнейшего пути подтверждалась двумя следами от небольших лавин на склоне, и, хотя уже почти неделю в горах не было осадков и вероятность схода лавин была очень низкой, мы решили пройти это место максимально аккуратно по самой верхней из возможных траекторий, так, как принято проходить лавиноопасные участки.

Мы шли до скал минут двадцать, а, может быть, полчаса. Пока склон под нами не стал слишком крутым, можно было идти лицом вперед, втыкая штычки ледорубов в снег чуть выше своих ног. Но становилось

всё круче и вскоре, перед самыми скалами, Саня, идущий первым, повернулся лицом к склону, воткнул в снег передние зубья кошек и перешел на движение в «три такта», которое заключается в поочередном перемещении ног и ледоруба: сперва перемещается и вбивается в склон носком правая нога, потом левая, и затем двумя руками клювом в склон вбивается ледоруб. Я последовал Саниному примеру и здесь мне пришлось терпеть боль: обезболивающее уже почти не действовало, но чтобы

Седловина перевала Стрела

быть уверенным в каждом шаге, приходилось вбивать ледоруб на совесть. Пропасть за спиной не давала расслабиться, и я снова почувствовал себя спокойно лишь ступив следом за Кужелевым на длинную наклонную скальную полку, ведущую наискосок к верхней части скалы, частично разрушенную и тем самым дающую возможность обернуть веревку вокруг того или иного скального выступа и надежно подстраховать друг друга. Едва выдохнув спокойно, я услышал сзади голос Витька - Бостона: всё это время Белка была рядом с ним, а теперь стало слишком круто и она боялась идти дальше. Мы коротко посоветовались, и решили, что вариант с привязыванием Белки к веревке и дальнейшим вытягиванием будет слишком муторным и долгим. Им оставалось совсем немного до скал, и Бостон решил донести ее, взяв в одну руку, второй вбивая ледоруб в склон. Я должен был страховать его на случай срыва, предварительно пропустив веревку через выступ скалы и выбирая её на себя. Белка заставляла нас грубо нарушать технику безопасности, но мы не могли взять и оставить ее посреди склона. Мне вспомнились песни Высоцкого о горах. «Надеемся только на крепость рук, на руки друга и вбитый крюк и молимся, чтобы страховка не подвела»... Витёк справился и, не сорвавшись, донес скулящую не понимающую что она здесь делает собаку до скалы. А ведь я говорил ей, глупой, чтобы она шла домой, но она напросилась с нами и теперь дороги назад уже не было!

Подъем по скале был относительно простым, мы шли вверх по нашей наклонной полке, иногда карабкались на уступы высотой не больше человеческого роста, попеременно страхуя друг друга веревкой, а нашему замыкающему Бостону приходилось тащить Белку за собой и

периодически подсаживать её. Справа зияла пропасть, но страховка была надежной и страха не было. Скоро все мы стояли на скале сверху, и от перевала нас отделяло еще метров двести довольно крутого подъема по снегу — последний участок, на котором организовать хорошую страховку уже не получится.

Мы отдохнули минут пять, перекусили курагой и миндалем, и двинулись дальше. Солнце освещало наш склон и снег под ногами был уже не таким твердым, но он не был и слишком глубоким, ноги входили в него где-то по щиколотку, идти было удобно, но тяжело. Метров через тридцать подъема случилось сразу два неприятных события: кошка на моей левой ноге вдруг съехала на бок и осталась бесполезно болтаться, и из клапана моего рюкзака выпал воздушный змей — символ нашей команды, который мы всегда носим с собой. «Стой!» - закричал я Сане, идущему впереди и тянущему за собой нашу связочную веревку. Саня остановился. Было очень досадно: я забыл закрыть клапан после того, как доставал из него сухофрукты, и сейчас змей в маленьком красном мешочке катился по снегу вниз, пока не остановился немного выше верхнего края скалы. Место, на котором я стоял, было крутым и неудобным для того, чтобы поправить кошку, поэтому я со всей осторожностью, шагая в «три такта», подошел к Саше, он, в свою очередь, вбил ледоруб в снег и страховал меня, выбирая через него веревку. Я громко ругался в адрес производителя кошек, пока поправлял и подтягивал их, стоя на склоне в неудобной позе, прикрепленный лишь к вбитому в снег ледорубу, и был готов уже расстаться с нашим воздушным змеем, но Кужелев сказал, что нехорошо бросать символ команды, и, не слушая мои доводы, отстегнулся и аккуратно спустился за ним вниз. Это было еще одно формальное нарушение техники безопасности, но моё уважение к Сане только окрепло после этого поступка: он сделал всё очень быстро, спокойно и уверенно, без тени сомнения или страха. Я люблю Кужелева за это присущее ему спокойствие и невозмутимость, ими он заражает людей, которые идут с ним в горы, любая ситуация в горах становится менее страшной, когда видишь его спокойное, уверенное лицо или слышишь его рассуждения о том, как пройти тот или иной участок маршрута. С ним можно отправить в горы десяток неподготовленных людей, и я всегда знаю, что если походом руководит Саня, с участниками все будет хорошо и они вернуться счастливыми, даже если им придется непросто.

Пока Кужелев ходил за змеем, мы с Бостоном стояли связанные друг с другом, а Белка ходила где-то рядом. Она опять повеселела: этот склон не казался ей слишком крутым, и она легко двигалась по нему, отыскивая в снегу и съедая невесть откуда взявшихся и замерзших

Ледник под перевалом

здесь насекомых. Как только Саня вернулся со змеем, мы продолжили подъем забирая левее седловины, по направлению наименьшей крутизны. Мне стало очень жарко, но было не время останавливаться и раздеваться, нужно было как можно быстрее преодолеть небезопасный склон и выйти на седловину. Я шел и думал о том, что хочу немного прохлады, что мои солнцезащитные очки все время потеют, что кошки на ногах снова ослабли и не хотелось бы, чтобы одна из них опять съехала на бок, что рюкзак все еще очень

тяжелый, даже несмотря на то, что в нем уже нет веревки, о том, что хочется пить, но сейчас лучше не тянуться за бутылкой с водой, а держать руки наготове. Словом, идти было жарко и

тяжело и в голове моей было все то, что обычно бывает в голове альпиниста, которому жарко и тяжело. Мы шли молча и не останавливаясь, смотрели под ноги и я понимал, что моим товарищам сейчас наверняка тоже нелегко. Я первый осмотрелся и понял, что мы уже на уровне перевала, только левее, крикнул об этом Сане и дальше мы двинулись вправо, не набирая высоты. По мере приближения к седловине склон под нами становился положе, я немного расслабился и расстегнул свою мембранную куртку, давая свежему воздуху прикоснуться к моему телу.

Я знал, что до перевала остались последние несложные шаги, мне было уже не жарко, и моё лицо расплылось в улыбке. Слева уже открывалась долина Дарашколя и новые горизонты горной страны, именуемой Алтаем. Еще несколько шагов, и мы на Стреле. Мы сделали половину! На востоке в голубой дымке гордо возвышалась Белуха. Под нами, такое близкое и вместе с тем такое далекое, мирно дремало верхнее озеро долины Дарашколь. Сейчас его разделяли с нами морена, ледник, испещренный громадными трещинами, и отвесный скальный обрыв, спадающий к леднику прямо с седловины. Правее обрыва был очень крутой осыпной склон, тоже выходящий к леднику. Сама седловина представляла собой крохотную площадку, на ней можно было уместить одну небольшую палатку, и я знал, что однажды непогода застала здесь такую же маленькую группу как наша, и чтобы спастись люди укрылись на ночь в палатке прямо на седловине, между двумя пропастями: той, откуда мы только что поднялись и той, куда нам предстояло спускаться. Здесь осталось небольшое ограждение от ветра: невысокая стенка, выложенная из камней полукругом со стороны Дарашколя. Было три часа дня, и нас ждал обед, несравненный обед в затерянном горном мире для троих искателей приключений и их нечаянной четвероногой спутницы.

День шестой. Часть вторая.

Обеденное меню было обычным за исключением того, что сегодня нас ждали перевальные апельсины. Тот, кто никогда не бывал на маршруте, не знает, что значат для туриста эти сочные фрукты, которые из-за веса рюкзаков можно себе позволить один, максимум два раза за весь поход. Бывает, питаюсь в основном кашами, тушенкой, сырокопченой колбасой и консервированными овощами, страдая от жажды на долгих снежных подъемах под палящим алтайским солнцем настолько истоскуешься по этим живительным плодам, что, когда наконец выйдешь на перевал, разрежешь его и вопьешься зубами в оранжевую мякоть, его свежая кисло-сладкая влага кажется божественным эликсиром, проникающим в каждую клетку твоего тела. В такие моменты мне нравится думать о том, что где-то далеко, в теплых странах, само солнце отдало свою энергию апельсиновому дереву, что это дерево пило из

земли воду и дало человеку этот прекрасный плод.

Мы съели свои апельсины, поставили на газовую горелку котелок со снегом, нарезали колбасу и сыр, открыли консервы и немного расслабились в ожидании чая. Пейзаж был чудесным, я достал фотоаппарат и сделал несколько кадров сурового Тегеека, несколько кадров тёплого, гостеприимного Дарашколя, после чего переключил внимание на Белуху, которая возвышалась на

Обед на перевале Стрела
Востоке. Вдоволь нафотографировав, я присоединился к своим отдыхающим товарищам.

Мы обсудили варианты спуска и решили, что не пойдем по осыпи: несмотря на то, что мне был известен случай подъема группы по ней, сверху она выглядела очень крутой и нестабильной, да и по отзыву участников того подъема эта осыпь была ужасной, а лишний риск нам был ни к чему. Нам оставалось спускаться по веревке с обрыва, оставив расходную петлю на одном из крупных камней, что было гораздо более безопасно, но сулило нам новые приключения с Белкой. Дождаясь чая, мы нашли перевальный тур и достали из него записку: последний раз люди были на перевале два месяца назад, это была группа из Перми и в банке вместе с запиской они оставили нам сосательные конфетки. Спасибо, ребята! Мы съели по конфете, вернули записку в тур и добавили к ней свою, рассказывающую о наших обстоятельствах в виде собаки, примкнувшей к команде.

Уже перевалило за четыре часа, когда мы дождались чай, пообедали и собрали рюкзаки. Довольно поздно, учитывая что в сентябре здесь темнеет между шестью и семью вечера. Саня достал из рюкзака специально припасенный кусок веревки, связал его концы друг с другом надежным узлом «грейпвайн» и накинул получившуюся петлю на большой удобный плотно заклиненный камень. Он продел веревку через петлю, завязал узлы на её концах и скинул их вниз, так, чтобы середина веревки пришлась как раз на петлю. Стена под обрывом состояла из трех ступеней общей высотой двадцать пять метров, концов веревки как раз хватило до широкой и удобной скальной полки, на которую мы планировали спуститься. Полка уходила наискосок вниз, далеко, насколько мы могли видеть, а метрах в пятидесяти под ней во всю ширину долины лежал язык ледника. Мы надеялись спуститься пешком по полке до самой морены и проложить таким образом путь, позволяющий обойти ледник со всеми его опасностями. Конечно, полка вовсе не обязательно должна была иметь пеший выход на морену, но у нас был еще запас расходной веревки, так что мы могли найти внизу подходящий камень или скальный выступ и повторить то, что сделали здесь — оставить расходную петлю и спуститься дюльфером по отвесу. Я подумал о том, что будет если там далеко внизу нет хорошего выхода, а подходящий камень мы так и не найдем, и пожалел, что у нас с собой не было скальных крючьев или закладок, которые могли бы помочь в такой ситуации.

Кужелев пристегнул веревку к своей спусковой «восьмерке» и первым спустился на полку. Нам с Витькой – Бостоном предстояло провести операцию по спуску Белки: сперва он по основной веревке спускался на одну из ступеней обрыва, потом я привязывал Белку к концу расходной веревки и спускал вниз, Бостон принимал Белку, я скидывал ему свой конец расходной веревки (она имела длину 15 метров и ее не хватало до цели спуска — широкой полки на которой нас ждал Саша), Бостон ловил веревку и спускал Белку со ступени, а Саня принимал её внизу.

Белуха, вид со Стрелы

Начало плана прошло успешно: Бостон быстро спустился и крикнул что готов. Я попробовал навязать на конце веревки обычную петлю и надеть её на собаку, но та яростно сопротивлялась и когда я наконец изловчился и обвязал ее, стала бешено прыгать и извиваться и вскоре освободилась. Тогда я не нашел ничего лучше, чем завязать петлю Линча (висельную петлю), и затянуть её на груди собаки под передними лапами. Это сработало,

Белка прыгала, кувыркалась но освободиться не могла. Одной рукой я схватил её и зажал под мышкой, другой рукой взял веревку и двинулся к обрыву. Белка громко скулила и отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, и в конце концов, возле самого обрыва ей это удалось. Она явно боялась и не хотела вниз, я понимал ее состояние, ведь мы находились над полкой на высоте седьмого или восьмого этажа, но делать было нечего, мы должны были спуститься сами и спустить эту несчастную собаку. Я пристегнулся к нашей расходной петле, чтобы Белка своими дёрганиями случайно не сорвала меня вниз, и подтащил её к, отчаянно скулящую и сопротивляющуюся, к себе за веревку. После этого, не обращая внимания на жалобные звуки, которые она издавала, попытался поднять ее и держа веревку на вытянутой руке аккуратно спустить вниз, но она, повинаясь инстинкту самосохранения, вцепилась когтями в край обрыва и выкарабкалась, смотря на меня с мольбой, как будто говоря что она готова на всё, лишь бы не отправляться туда, за край обрыва. Но время шло, с каждой минутой солнце клонилось к горизонту, и мне оставалось одно — скинуть её. Я намотал веревку на руку метрах в полутора от собаки, схватил ее и решительным движением швырнул с обрыва. Я никогда не слышал такого пронзительного собачьего визга, как в тот момент, когда она полетела вниз, но она зависла в полутора метрах ниже и я стал быстро спускать ее на ступеньку, где её принял в руки Витёк. Я крикнул ему, чтобы он не церемонился, потому что она отчаянно сопротивляется и не дает спустить себя спокойно, и он тоже скинул её и спустил на полку, где её уже поджидал Саня. Все это время Белка отчаянно извивалась и скулила громче и пронзительнее, чем любая другая собака которую я встречал раньше. Наверное, ей было не только страшно, но и больно от петли, затянувшейся у неё на ребрах, однако я знал, что мы не могли поступить с ней лучше: единственный способ лишить её этих страданий заключался в том, чтобы оставить её на перевале, не способную самостоятельно спуститься с него.

Витёк спустился на полку и освободил веревку, я встегнул оба свисающих вниз конца в своё спусковое устройство-стакан, на всякий случай дополнительно пристраховался к ним «схватывающим» узлом, отстегнулся от петли и шагнул за обрыв. Спуск шел вдоль широкой вертикальной трещины и я думал о том, насколько, должно быть, сложно подниматься в этом месте лидеру группы, идущему с нижней страховкой (то есть не имеющему провешенной заранее веревки, а лезущему, используя только свои руки и ноги). Я упирался ногами в стену, шагал по ней, спускаясь, и через пару десятков таких шагов был уже возле своих товарищей и нашей многострадальной собаки. Мы развязали узлы на концах веревки и вытянули ее за один конец.

Пока я приводил в порядок обвязку, веревку убрал под клапан своего рюкзака Витёк, и мы пошли вниз по полке, первым — Саша, вторым — Витёк, я — замыкающим. Слева была каменная стена, а справа под нами раскинулся ледник, и сейчас мы очень хорошо видели его трещины, он так же как мы спускался в долину, только был ниже на пару десятков метров. Нам был виден его конец — в километре или полутора впереди нас и парой сотен метров ниже, туда мы и рассчитывали спуститься как можно быстрее.

Я шел и смотрел на горы вдаль. Они уже окутались синеватой вечерней дымкой, а небо вокруг Белухи окрасилось в две широкие горизонтальные полосы: темно-синюю и багрово-красную. С каждой минутой всё ближе была темнота, и мы рисковали попасть в незавидное положение, не успев спуститься и оказавшись на стене ночью. Наша полка шла вниз, то оставаясь широкой, то сужаясь, перемежаясь крутыми осыпными участками уходящими к леднику, иногда заставляя нас карабкаться, прижавшись к самой стене, или спускаться с уступов высотой в человеческий рост и передавать собаку друг другу. Минут через сорок полка закончилась отвесной стеной, перед которой вниз к леднику уходил крутой осыпной кулуар. Внизу, перед боковым краем ледника был сухой ровный каменистый участок, шириной метров в десять, который можно было назвать «земля». Мы были метрах в двадцати

над землей, и вокруг не было ни одного удобного камня или скального выступа. Нам не к чему было привязать веревку, и единственной возможностью спуститься вниз было идти по осыпи, слишком крутой, чтобы быть безопасной.

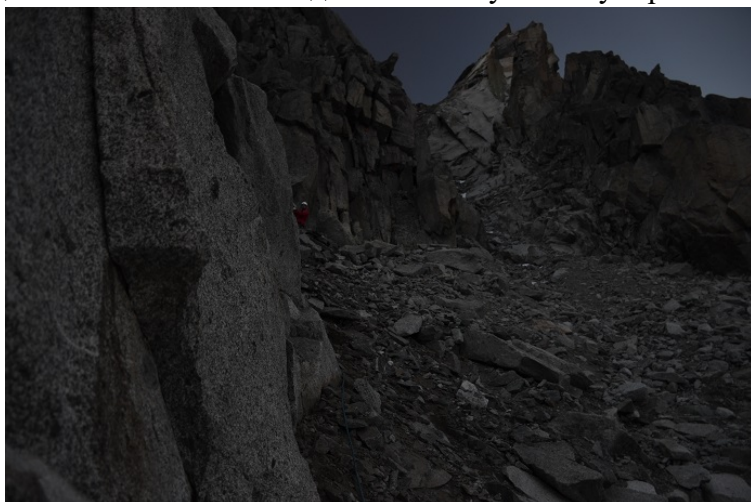
Осыпной склон опасен камнепадами так же как снежный — лавинами. И если лавинная опасность зависит от погоды, и на снежном склоне можно, проанализировав погоду в предыдущие дни, копнув снег и посмотрев его состояние, с довольно высокой долей вероятности сказать, что сегодня безопасно и идти можно, или, напротив, опасно и идти нельзя, то крутой осыпной склон опасен всегда. Под крутым я подразумеваю примерно сорокапятиградусный склон, такой, на котором камни лежат друг на друге, и сила притяжения, которая тянет их вниз, лишь чуть-чуть меньше сопротивления ненадежной каменистой опоры. Стоит немного пошевелить такой камень, и он тут же сорвется вниз, или поползет сразу много камней, и счастье того, кто их сдвинул, если они остановятся. Если взять и сделать такой склон хоть немного круче, то камни и вовсе на нем не удержатся, они сорвутся грудой, обнажая скальную стену, на которой лежат, увлекая за собой всё, что встанет у них на пути. В горах Алтая множество таких склонов, среди них есть огромные, высотой в несколько сотен метров — смертельные ловушки для незадачливых путников, ловушки, где не за что зацепиться и неоткуда найти спасение. Популярные туристические тропы обходят эти гиблые места стороной, но я мог бы с любой тропы показать вам несколько.

Наш осыпной кулуар, и он же последний шанс не ночевать на стене, был лишь немногим лучше. Он был небольшим и сравнительно невысоким, и на первый взгляд казалось что чуть ниже нас, а затем и дальше внизу, есть некоторые места, за которые можно хотя бы рукой придержаться. Делать было нечего, перспектива ночевать на стене была не менее опасна чем идти вниз по осыпи: мы были здесь в первый раз и не могли быть уверены, что ночью со стены не полетят камни, поэтому приняли решение идти, идти максимально осторожно, по одному, чтобы не убить друг друга камнями. Тень гор, нависающих над нашими головами, уже скользила вверх по далеким горам на востоке. Еще немного, и наступят сумерки, а за ними и ночь. Первым пошел Саша. Смотреть, как он спускается, наклонившись к склону, придерживаясь руками и стараясь не шевелить каменную массу, было не по себе. Несколько раз из под его ног вырывались камни и он едва удерживался на месте. Он спустился метров на восемь и зашел за перегиб кулуара, так, что мы уже не могли его видеть. Оттуда он крикнул, что нашел хорошее место и ждёт нас. Вторым пошел Бостон. Он спускался медленно и крайне осторожно. Я следил за ним и в то же время смотрел на восток, туда, где тень гор уже почти поднялась к вершине Белухи. У нас было еще минут двадцать до темноты. Из-за угла он крикнул, что я могу идти. Я ступил на неверные камни осыпи и они тут же поползли вниз под моим весом, но через мгновение остановились. В это время Белка, которая еще не пробовала спускаться, пошла за мной, но у нее из-под лап посыпались камни и она стала как вкопанная, жалобно скуля. Ей было страшно. Я звал ее, но она не сдвигалась с места. Я крикнул друзьям, что она не идет. Они ответили, чтобы я спускался к ним а дальше «что-нибудь придумаем». Я продолжил спуск.

Саша следит за Бостоном, спасающим Белку

Эти восемь метров до укромного местечка, которое нашел Саня, стали самыми мрачными для меня во всем походе. Уже наступили сумерки. Белка отчаянно скулила, думая, что мы

Бостон (в белой каске) спасает Белку

бросаем ее. Я думал о том, что должен ступать легко, как паук, чтобы не улететь вниз, и надеялся что если все-таки улечу, у меня есть шанс выжить. Так я и дошел до своих товарищей, которые сидели в более-менее удобной выемке под небольшим скальным выступом. Выступ защищал от возможного камнепада, и у меня промелькнула мысль, что здесь можно было и переночевать достаточно безопасно, правда такая ночевка сулила бы нам серьезные страдания от холода и

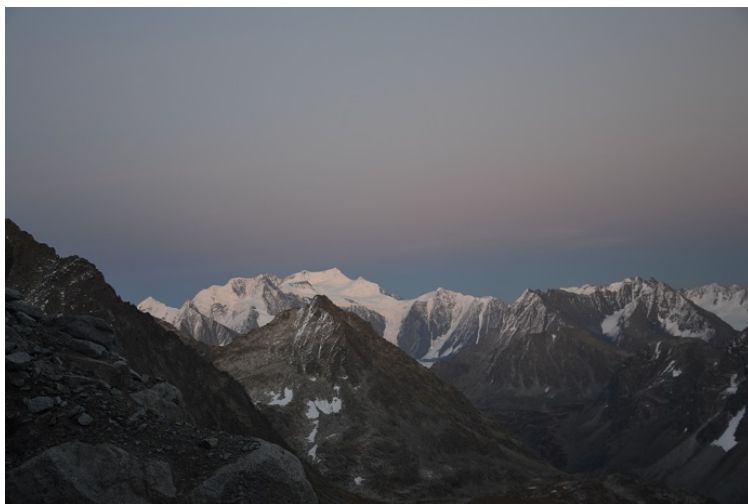
невозможности выпрямиться во весь рост.

Когда я, последний из троих, скрылся из вида, Белка замолчала. Она свернулась клубочком там, наверху, и закрыла глаза, как будто улеглась спать. Ее положение было незавидным: самостоятельно она не могла ни уйти вверх, ни спуститься. Она не могла знать наверняка, что мы не ее не оставили, и, по-видимому, отчаялась. По правде сказать, я до сих пор думаю, спасли бы мы её или нет, если бы с нами не было Бостона. Жизнь человека я ценю гораздо выше, чем жизнь животного, но ведь Белка, возможно, спасла нас от Медведя, когда поход только начинался. Я верю в то, что я поступил бы так же, как Витька, но точно одно: у меня были сомнения относительно того риска, которому нужно было себя подвергнуть, чтобы достать собаку, он же не сомневался и доли секунды. Отважный! За наш поход он сделал для Белки гораздо больше, чем я или Саня, и вот сейчас рисковал ради неё жизнью. Мы не могли отпустить его наверх без страховки, и он привязал конец нашей пятидесятиметровой веревки к себе и вышел наверх, за изгиб кулуара. Мы сидели в своей выемке под скальным выступом, опираясь на большой и надежный камень, и выдавали веревку уходящему вверх Бостону. По кулуару катились камни, вылетающие у него из-под ног. Становилось все темнее. Веревка метр за метром уходила вверх, пока не послышался крик Витька «Взял её!». Отлично. Теперь ему осталось спуститься по этой жуткой сыпухе, зажав собаку под мышкой. «Выбирай!» - послышалась сверху команда, и мы начали плавно, параллельно с его спуском, вытягивать веревку на себя. Еще пять минут, и они показались из-за перегиба. Он справился. Спас собаку и не сорвался. Белка выглядела уставшей, а Бостон — счастливым.

Теперь нужно было спускаться. Земля была уже очень близко — метрах в десяти ниже нас, но под нашей выемкой опять начиналась проклятая сыпуха. Тот камень, на который мы опирались, имел в верхней части небольшой, неявно выраженный выступ, лишь немного в этом месте его поверхность выпирала вверх, и этот выступ стал нашей единственной возможностью закрепить перила для спуска. Мы отрезали длинный кусок расходной веревки, сделали большую петлю и дважды обернули ею наш камень. Камень был гладким, и выступ вверху должен был не дать петле соскочить с него. Это была одна из тех конструкций, которые не внушают никакой уверенности своим видом, но при должной аккуратности вполне могут выдержать человека. Первые двое спускающихся могли рассчитывать на бонус: третий мог придавить петлю ногой к камню и сделать её почти абсолютно надежной. Последнему же предстояло спускаться и «не дышать». Есть такая шутка у альпинистов «перила готовы, но лучше не нагружать» - это был как раз тот случай. Мы скинули концы вниз и Саня, взяв Белку в левую руку, пристегнулся к веревке и пошел вниз. Белка отчаянно

скулила, почти как тогда, когда мы кидали ее с обрыва, но Саня не обращал внимания и очень быстро оказался вместе с ней на земле. Первый спасён! Витёк пошел вторым. Было уже почти совсем темно и я попросил его, чтобы там, внизу они оба включили фонарики и светили ими в мою сторону: так я хотя бы буду видеть направление спуска.

Когда он спустился, наступила полная темнота. Мы почти успели, но мои друзья были внизу, а я все еще сидел на стене. Над головой были звёзды, снизу на меня смотрели две яркие точки — налобные фонарики моих товарищей. Я будто завис между землёй и небом. Но раздумывать было некогда и я, изогнувшись в своей тесной выемке, надел на плечи рюкзак, пристегнул спусковое устройство к обоим концам веревки, перекинутым через петлю, и шагнул вниз. Как я уже говорил, моя петля держалась на небольшой, совершенно неяркой выпуклости камня, и теперь некому было придержать её сверху. Единственной

Вид на Белуху за несколько минут до темноты

возможностью спуститься, не сдёргнув её, было постоянно нагружать веревку своим весом, при этом прижиматься к склону максимально сильно, чтобы нагрузка на петлю была направлена вниз, а не от стены. Особенно важно было прижаться к стене на первых метрах, поэтому я начал спуск практически сползая вниз на животе и очень аккуратно протравливая веревку через спусковое устройство, контролируя, чтобы натяжение вдруг не ослабло. В такие моменты важно спокойствие и полный контроль. Я в очередной раз убеждался, что мы делаем правильно, отправляясь на новый маршрут впервые строго ограниченной группой, состоящей из опытных туристов. Я множество раз видел, как люди с небольшим опытом боятся спускаться джюльфером, но этот страх не имеет никакого значения, если веревки закреплены надежно, а здесь он мог бы сыграть очень злую шутку. Поддаться страху означало сделать ошибку и полететь вниз. Я подумал, что если мы и вернемся когда-нибудь на Стрелу с группой туристов, мы найдем другое место для спуска. Пожалуй, просто возьмем крючья, сделаем станцию в верхней части полки и спустимся с нее прямо на ледник.

Спустившись, я вздохнул с облегчением. Земля! Все живы и здоровы. Перевал пройден. Мы еще разберем его, проанализируем свои ошибки, наметим оптимальный путь прохождение на будущее, но это потом, а сейчас остается только спуститься по камням вдоль ледника к ровному и безопасному месту, поставить палатку и спать. Мы не без труда вытянули веревку за один конец и двинулись вниз, освещая свой путь фонариками. Ледник расстилался по правую руку, огромным, тёмным пластом, скрывавшим в темноте множество трещин, и, может быть, других смертельных ловушек. Что-то дёрнуло Белку и она побежала по нему, мгновенно пропав из света наших фонариков. У нас не было сил, чтобы её останавливать или пытаться вернуть. Мы лишь окрикнули её раз, и в этот момент увидели вдалеке пару зеленых глаз, смотрящих на нас, светящихся в темноте, отражая свет наших фонариков. Здесь ледник был уже пологим и она спускалась по нему параллельно с нами. Наверное, ночью Белка видела так же хорошо, как и днем, и это позволило ей обойти все трещины.

Минут через двадцать мы обогнули ледник и нашли среди камней место, подходящее для установки палатки. Неподалеку был небольшой ручей. Над головой горели мириады звёзд.

Звёздная стоянка в глубине гор. Саня и Витёк улеглись спать, Белка свернулась калачиком возле палатки, а я пошел на ручей и обмылся, насколько это было возможно. После этого тяжелейшего перевала холодная вода и мыло стали моей наградой. Освежившись, я оделся в свои спальные вещи, забрался в тёплый спальный мешок, закрыл глаза и заснул мертвым сном смертельно уставшего человека.

День седьмой.

Этим утром мы выспались вволю. Кажется, я проснулся только тогда, когда в палатке стало нестерпимо жарко от освещавшего её солнца. Нам некуда было спешить: сегодня нужно было пройти всего несколько километров пешком, и мы вылезли из палатки вместе с ковриками и продолжали валяться на улице, пока желание поесть не заставило нас готовить завтрак. Ручей, стекающий с ледника, и бывший вчера кристально чистым, стал больше и помутнел: ледник под солнцем таял очень интенсивно и вода уносила с собой моренный песок. После завтрака мы устроили фотосессию «трое с собакой у перевала Стрела». Получились отличные фотографии. Примечательно то, что при большом увеличении на

Наша команда под перевалом Стрела

одной из них можно было разглядеть, как опухла моя рука: кисть была раза в два толще обычного.

Собравшись не торопясь, мы двинулись в путь. Сперва мы спустились метров на двести к верхнему озеру долины Дарашколь, которое имеет причудливую форму: если посмотреть на него сверху, оно выглядит как человеческая рука, пальцем указывающая направление к нашим звёздным стоянкам. На берегах озера

зеленела трава, и даже отдельные цветы еще сохранились здесь с лета, вот что значит южный склон! Нам, проводившим двое суток среди снегов и камней, было очень приятно вдруг оказаться в окружении зелени. Еще метров триста спуска, и мы увидим деревья! Обходя озеро, мы снова наткнулись на следы медведя, приходившего на водопой, оно и неудивительно: долина Дарашколя находится вдали от цивилизации и представляет собой небольшой горный рай, здесь много солнца и много самых разных диких животных, непуганных постоянным присутствием человека. Мне были известны случаи, когда целые семьи горных козлов приходили прямо к палаткам, поставленным здесь путешественниками.

В долине озера Дарашколь

Спустя час пути нам открылось само озеро Дарашколь, оно лежало внизу, в долине под нами, окруженное хвойным лесом, а за ним, далеко на горизонте, высился острый, покрытый снегом и льдом пик Короны Алтая. Я видел Дарашколь впервые в

жизни и с удовлетворением думал о том, что мы все-таки пришли сюда через горы в то время как большинство людей приходят снизу, с Кучерлинского озера. Мы присели отдохнуть и я попытался запустить наш воздушный змей, но ветра почти не было и он так и не полетел. Это был уже пятый день хорошей погоды — большое везение, или, может быть, просто бархатный сезон на Алтае.

Подойти к Дарашколю было нетрудно. Спускаясь, мы обогнули большой каскад водопадов, вышли на песчаный берег одного из ручьев, впадавших в озеро, и пошли вдоль него. Ручей был молочно-бирюзового цвета, он то раздваивался, то сливался с другими ручьями, и пока мы распутывали хитросплетения этих русел, нам несколько раз пришлось перейти их вброд, благо, вода была спокойной и не глубокой. В конце концов мы вышли к западному концу озера, и принялись обходить его по южному берегу. В одном месте нам пришлось перемещаться по нагромождению огромных валунов, аккуратно перебираясь с одного на другой, но это было совсем несложно, и даже Белка прошла это место самостоятельно. Мы уже подходили к полуострову, поросшему Кедрами и вдававшемуся в озеро в самой его середине, когда услышали голоса.

Люди! Первые люди за неделю наших скитаний. Белка ринулась вперед, к голосам, и тут же пропала из виду. Спустя пять минут мы подошли к основанию полуострова, где среди кедров расположилась очень уютная стоянка, и увидели свою собаку в окружении, наверное, десятка людей. Они расположились на большом плоском камне в озере, и загорали там совершенно голые. Нудисты на Дарашколе, только этого нам не хватало! Мужчины и женщины, среди которых были как молодые, так и пожилые, и все совершенно без одежды. Наша Белка радостно прыгала вокруг них, а они не понимали, откуда она здесь взялась. «Здравствуйте!» - мы громко раскрыли свое присутствие. С нами поздоровались и спешно начали одеваться. Эта встреча не вызвала у нас тех чувств, которые обычно вызывает встреча с людьми в горах. Очевидно, они пришли на озеро через Кучерлу, самым простым путем, надеясь, что в сентябре никого здесь не встретят и они будут спокойно предаваться нудизму, И вот с гор спускаемся мы и нарушаем их покой. Мы не стали утруждать себя, уходя за деревья, чтобы их не смущать, вместо этого установили палатку, набрали воды и поставили чай кипятиться. Обеденное время уже прошло, и мы с удовольствием, развалившись на туристических ковриках, жевали орехи и сухофрукты, и ждали, пока нудисты пройдут мимо нас и расскажут, кто они и откуда. Диалог получился не очень живым, наверное, мы все-таки

Вид на озеро Дарашколь с высоты

их смутили своим приходом. Нам рассказали только, что они из Красноярска, действительно пришли по Кучерле и их палатки сейчас стоят на восточном конце озера, там, где из него вытекает река Иолдоайры.

Обеденный перекус плавно перетекал в ужин. Мы собрали дров и разожгли костер. Казалось, мы уже вечность не грелись у костра, а ведь прошло всего каких-то три дня. Поужинав, я достал фотоаппарат, сходил с ним на

полуостров и сделал несколько фотографий. Поистине, это чудесное место оправдывает свое название! Дарашколь в переводе с Алтайского означает «Красивое озеро». Я мог бы еще добавить, что оно тёплое и уютное. Я вернулся к друзьям и мы жгли костер до самой ночи, просматривая фотографии и делясь впечатлениями от вчерашнего.

Последние дни похода.

Последние три дня нашего маршрута были совсем несложными. Мы уже съели большую часть провизии и наши рюкзаки стали заметно легче, а путь наш состоял преимущественно из спусков. Впереди не было сложных препятствий вроде Стрелы или перевала Красного Камня, только брод разлива Кучерлы по пути с Дарашколя на Кучерлинское озеро немного волновал меня — от старых друзей я слышал несколько историй о сложности и опасности этого брода в высокую воду. Но погода благоволила нам, к тому дню, когда мы бродили, дожда не было уже пять суток, и мы перешли разлив в воде по щиколотку. Белка, встретив новых людей — вчерашнюю группу нудистов, убежала с ними, и когда мы догнали их на стоянке у северной оконечности озера, они рассказали, что она ушла дальше с кем-то другим.

Вечер из ясного постепенно стал пасмурным. Я был здесь раньше несчетное множество раз, но как и прежде наслаждался красотой этого места. Большое, молочно-бирюзовое Кучерлинское озеро раскинулось в долине, поросшей кедровым и лиственным лесом. Настоящая, суровая красота сибирской природы!

Ночью пошел дождь и весь следующий день мы шли под дождем. Это были двадцать пять километров спуска по долине Кучерлы, в течение которых мы встретили несколько людей — что и говорить, Кучерла даже в сентябре — посещаемое туристами место. Тропа здесь натоптана тысячами трекинговых ботинок и конских копыт, а в дождь она превращается в коричневую скользкую жижу, но все же это тропа и мы шли по ней очень быстро. Пейзаж на этом переходе красив, но довольно однообразен — это хвойный лес и периодически показывающаяся между деревьями бирюзовая Кучерла. Мы удивились, когда вышли на развилку перед стоянкой Изекерю в три или четыре часа дня — казалось, мы будем идти до вечера. Можно было остаться и переночевать на развилке, чтобы не платить хозяевам Изекерю за ночевку, но будучи насквозь мокрыми от дождя и от пота мы решили дойти до стоянки, и какова же была моя радость, когда в домике мы встретили моего старого товарища — алтайского коневода Аркашу Сайланкина! Раньше, когда я по целому лету водил группы туристов к Белухе, Аркадий работал с нами в качестве коневода, но вот уже четыре года мы с ним не виделись. Хозяев стоянки не было, и он бесплатно разместил нас на нарах в этом теплом доме, угостил салом и очень вкусным клубничным вареньем. Сам он был здесь с тремя туристами, которых завтра должен был на конях довести до озера. Эта случайная встреча была полезной во всех смыслах: мы не только высушили всю одежду и спали в тепле, но и договорились о совместной работе в следующем сезоне.

Утром последнего дня было солнечно. Рано утром мы попрощались с Аркашей и пошли в Тюнгур. Через пару часов откуда-то из кустов выскочила Белка, грязная, мокрая и необычайно радостная нашей новой встрече. По всей видимости, ее последние «хозяева» уехали вчера в Тюнгур на машине, оставив ее. Мы тоже были рады ее видеть, хотя и не преминули укорить в неверности, несерьезно, конечно. На самом деле, от Белки нельзя было ждать другого: это была свободная и счастливая алтайская собака, ее жизнь состояла из походов с разными группами, и она всегда шла с теми туристами, с которыми хотела. Лишь ненадолго мы смогли привязать ее к себе, и то только потому, что отправились в глухие и дикие горы, где не было никого, кроме нас. Белка...эта собака еще множество раз привяжется к группам, идущим к Белухе, к Кучерлинскому озеру или даже к Дарашколю, но наверняка никто из ее будущих спутников не догадается, какие испытания ей пришлось пережить! Мы пришли на турбазу в Тюнгуре и оставили Белку там, рассказали вкратце, что было, но, кажется, наш рассказ не особенно оценили. По крайней мере, мы знали, что Белку здесь будут подкармливать, как и раньше.

Для нас троих этот поход стал памятным на всю жизнь. Новый, сложный и интересный маршрут, хорошая компания, собака-талисман, удивительное везение с погодой, мой перелом (уже в городе оказалось, что это все-таки был перелом), разведка Стрелы «боем» и как следствие рискованный, но незабываемый спуск, неожиданная встреча с Аркадием — все это сложилось в неповторимое приключение, которое мы никогда не забудем!

Зачем мы ходим в горы? Трудно ответить на этот вопрос. Наверное, каждый из нас ответил бы на него по-своему. Одно остается неизменным — чего-то нам не хватает в городе, и мы снова отправляемся в горы на поиски. Через год мы с Сашей вернулись на наш маршрут, но были уже с большой группой и прошли его в обратном направлении. И мы вернемся туда снова!

Денис Давыденко, 05.03.2017.

Рассказ основан на реальных событиях сентября 2015 года.